

«ТИЛЕМАХИДА» В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО

А. С. Орлов

Изучение Тредиаковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей.

Пушкин.

«XVIII-й век», не как хронологическая, а как культурная эпоха, основные черты которой обрисовались еще столетием раньше, похож на лабиринт тогдашних садов, который манит войти, но не дает выхода тому, кто не знает извилин его схемы, основы его коварной симметрии, усложненной еще революциями последней трети столетия.

«XVIII-й век» — век лозунгов и прописей, показным образом трактующих о том, как надо жить в общественных группах, как надо управлять и подчиняться, что и как мыслить, чувствовать и говорить. Эти теоретические рекомендации имели привлекательный вид, но стояли в противоречии действительности, которая не даром называется «суровой». Они были односторонни, обслуживая интересы «немногих» и подчиняя им интересы «многих».

Однако, разрабатывая интересы «немногих», идеологические схемы Запада заключали в себе нечто на общую потребу, в частности — на потребу «отсталых» народностей, ускоряя своим воздействием процесс формирования их общественного сознания и его выражения в слове.

В области чисто книжной, при занятиях русской художественной литературой XVIII в., русские ученые недостаточно исчерпали вопрос о зависимости ее западных образцов и ее самой от философских, в частности от социально-политических систем. Точное определение категорий появившихся у нас новых понятий и словесной формулировки их отражения в русской художественной литературе XVIII в. — вот насущная потребность дальнейшего ее ведения.

Социальный утопист Фенелон, привлекавший с начала XVIII в. пристальное внимание русских, в том числе — Петра I-го, Тредьяковского, Державина, Фонвизина, Радищева, Карамзина и еще десятков трех писателей, безыменных и с именами, почти совсем ускользнул от наших литературоведов. Переводчик Фенелонова Телемака, Тредьяковский также не удостоился надлежащей оценки своего труда с точки зрения его социального значения и обретения языка для новых понятий в общественности.

В дальнейшем мы попытаемся дать библиологическую базу для суждения о «Телемакиде», более существенного, чем прежние эстетические споры.

Одним из важных вопросов литературоведения является вопрос о формировке русского литературного языка, особенно в том периоде его существования, когда русская культура тесно связалась с западноевропейской. Этот период начался собственно и ранее XVIII в., но только с XVIII в. западная культура существенно овладела русской, предопределив главные элементы ее выражения даже до текущего времени. Большинство понятий, а вместе с тем и слов, неизвестных своеобразной, национально замкнутой Московии, хлынуло к нам с чуждого дотоле Запада, не встретив у нас подготовленных семантических и словесных форм. Это наводнение — сначала, обратилось — затем в непрерывную струю изменчивых воздействий, за которыми должны были поспевать русские словесники. Только в начале XIX в. они могли перевести дух в своей вековой работе над организацией литературного языка по всем главным линиям, принятым на Западе. Конечно, нельзя представлять этот процесс так прямолинейно, как делал Шпет, говоря, что «русская художественная литература героически боролась с Кирилло-Мифодиевским наследием в языке, и когда воссиял Пушкин, болгарский туман рассеялся навсегда» (Очерк развития русской философии Густава Шпета. Первая часть. 1922 г. Петербург, издательство «Колос», стр. 22). Но, в общем, время первой из близких к нам стадий в организации русского литературного языка показано Шпетом верно.

Итак —

С XVIII в. в России настала пора подравнения жизни под жизнь стран, предупредивших нас в темпе и организованности развития. Вместе с появлением у нас новых форм экономики,

общественности, государственности, совпадающих с соответственными на Западе, России пришлось считаться и с появлением на своей почве новых понятий, которые на Западе уже не были новостью. И вот, весь русский XVIII в. проходит в формировке этих понятий по образцу Запада, где они систематизировались в специальных учениях, от Лейбница и Вольфа до философов эпохи «Просвещения», Энциклопедистов, сангиментального Гердера, Канта и т. д. Уже с Петровской эпохи начали появляться и в русских переводах, а то и в перепечатках подлинника, политическо-моралистические трактаты, излюбленные у нас.

Припомним знаменитого ученика Гуго Гроция и Гобесса, основателя «естественного» и народного права, Самуила Пуфендорфа, сочинения которого, уважаемые Петром I, по его приказу переведившиеся и издававшиеся, притом не один раз, подвергавшиеся после Петра то изъятию, то одобрению,¹ имели такое влияние на наших мыслителей XVIII в. (В. Н. Татищев, В. К. Тредьяковский).²

¹ Сочинения Самуила Пуфендорфа: 1) *Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten so jetziger Zeit in Europa sich finden*, предназначавшееся, как руководство государственным людям и как учебник для учащейся молодежи, полностью впервые переведено с латинского (не вполне вразумительно) Гавриилом Бужинским и издано так дважды — в 1718 и 1723 гг. под заглавием: «Введение в Гисторию европейскую чрез Самуила Пуфендорфия на немецком языке сложенное, также чрез Иоанна Фридерика Крамера на латинский преложенное» и т. д.; вновь переведено с немецкого Борисом Волковым и напечатано при Академии Наук в 1767 — 1777 гг., под заглавием: «Введение в историю знатнейших европейских государств с примечаниями и политическими рассуждениями». 2) *De officiis hominis et civis*, переведено справщиком Иосифом Кречетовским в 1724 г., напечатано после смерти Петра. Это сочинение Пуфендорфа «О должностях гражданина и человека» было в 1786 г. Синодом признано руководством по нравовучению. 3) *De jure naturae et gentium libri VIII* — «Самуила Пуфендорфия о законах естества и народов книги 2, 3, 6, 7.» См. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Вел., т. I и II, указатель — под «Пуфендорф»; Э. Радлов. Очерк истории русской философии. 1921, стр. 81.

² См. упрек Вас. Никит. Татищева Московской Академии, где «не токмо правильно и порядочно с основания права естественного не учат, но и книг Гроциевых, Пуфендорфовых и тому подобных, которые за лучших во всей Европе почитаются, не имеют» (Шпет, стр. 52). Вводные статьи Тредьяковского к переводу 3, 5—7, 11—14 томов Римской Истории Роллена содержат курс естественного права и этики, причем естественное право изложено целиком по Пуфендорфу (Э. Радлов. Очерк истории русской философии. 1921, стр. 10, 80, 81).

Относительно просвещения русских общественными идеями за границы следует сказать, что еще в пору средневековья и особенно в XVIII в. заведывать этим просвещением претендовало правительство, и первые его опыты производились в царской семье. Новые просвещенские идеи заимствовались из-за границы не только в теоретическом изложении, но и в художественной обработке. Между прочим, за рубежом и на Востоке и на Западе издавна завелись и непрерывно существовали так сказать «царственные» домострои, которые переводились затем у нас и вызвали подражания. Влияние западной социально-политической дидактики в русском XVIII веке было громадно. Большинство наших художественных писателей ввело соответственные ноты в свои произведения, заставляя своих читателей и слушателей одновременно вторить изменчивым лозунгам западноевропейского просвещения. Начнем с Петра.

Академик Пекарский сообщает содержание составленной в 1703 или 1705 гг. бароном Гюйссеном (von Hüysen) инструкции для воспитания царевича Алексея Петровича (род. 1690, умер 1718):

«Как скоро великий князь будет объясняться по французски и понимать авторов, то перевести на этот язык Бунонову Идею истории общей (Bunonis. Idea Historiae universalis cum continuatione), Пуфендорфа «Введение в Историю...» Далее предполагалось перевести на французский язык Пуфендорфа «малую книжицу о должностях человека и гражданина» (De officiis hominis et civis), как преддверие к изучению трудов Гроция и Пуфендорфа. Преподавателю в особенности рекомендовалось: *Les droits civils dans leur ordre naturel*, Символы — Сааведра и «в свете знатный Телемак». Перевод книг, для того назначенных, предположено напечатать в Голландии (Пек. I, 93, 94, 104, 138, 139, 214, 215). Но ни одна из поименованных латинских или немецких книг не была переведена по-французски для Алексея, которого Гюйссен хотел воспитать по образцу бургундского герцога, французского дофина. Часть книг была напечатана в русском переводе уже по смерти Алексея, за исключением «Символов» Сааведры, переведенных, правда, еще в конце XVII в. и затем в XVIII в. при жизни царевича, но непопавших в печать.¹

¹ По сообщению А. И. Соболевского (Переводная литература Московской Руси, стр. 161–162) существуют русские рукописи кон. XVII и нач.

Что касается до «в свете знатного Телемака», то это конечно, — *Les aventures de Télémaque*, педагогический роман, написанный прозой Фенелоном, воспитателем бургундского герцога, французского дофина. Первое парижское издание 1699 г. второе — 1717 г.¹ Фенелонов Телемак полюбился в России; всех русских

XVIII в., озаглавленные: «Образец крестьянского политического князя. Сто один пример. Хорошие, сиречь добрые Симбальские наречия. Писал сию книгу Дидако Сааведра Факсарду, шпанский рыцарь. Прежде сего испанский язык, латинский и цесарский. Преведен на русский. А переводил переводчик иноземец Андрей Дикенсон. Печатано в Амстрадаме, у Егана Яксонуса младого». Это перевод книги: *D. Saavedra Faxardo. Idea principis christiano-politici, 101 symbolis expressa, Amstelodami, 1659.*

Пекарский (1, 214—215) сообщает, что в Публичной библиотеке есть рукописный перевод, сделанный, по приказанию Петра, Феофаном Прокоповичем и озаглавленный так: «Изображение христиано-политического властелина, символами объясненное от Дидака Саведры Факсадра, ныне же с латинского на диалект русский переведенное».

¹ В русских библиографических заметках об истории французского текста «Приключений Телемака» Фенелона встречаются разногласия и неточности. Верные сведения находим в «Предъизъяснении об Ироической Пниме» перед «Телемахидой» В. К. Тредьяковского, который сообщает: «первые самые издания (Фенелонова Телемака), вышедшие против воли Авторovy, и напечатанные с неправых Списков и выкраденых, были разделены на десять Книг, каков есть Выход и Адриана Мутиенса в Гаге, от 1706 года. Однако Наследники, по смерти уже Авторовой, сообщили Свету точный рукописный Подлинник, состоящий в двадцати четырех Книгах разделением». Сочинения Тредьяковского, т. II, отд. I, изд. А. Смирдина, 1849 г., стр. XVII. Написание Фенелоном Телемака Я. К. Грот отнес к 1681 г., а первое издание — ко времени после смерти автора в 1715 г. и не прежде 1717 г., тогда как уже А. А. Куник писал: «В 1689 году Людовик XIV избрал его (Фенелона) в воспитатели своих внуков. Для старшего из них, герцога бургундского, Фенелон написал своего Телемака, сочинение, основанное на педагогических расчетах: в 1698 г. оно, без ведома автора, было напечатано в Париже, и тотчас же конфисковано, потому что завистники Фенелона... находили в нем, хотя вовсе не справедливо, сатиру на двор Людовика XIV. Вследствие того Телемак, при жизни Фенелона (ум. 1715 г.) не был издан во Франции, хотя в чужих краях с 1700 г. он был несколько раз напечатан... Только в 1717 г. явилось в Париже издание, послужившее основанием для следующих изданий Телемака» (Ученые записки Академии Наук по I и III отд., т. III, СПб., 1855, Истор. материалы и разыскания, стр. 260—261, статья А. А. Куника «Несколько слов о Фенелоне и его оде 1681 года, переведенной Ломоносовым»). Если Фенелон только в 1689 г. стал воспитателем королевских внуков, едва ли педагогическое сочинение «Телемак» было задумано им в 1681 г. И следует согласиться с А. Дживи-леговым, который, на основании обширной литературы о Фенелоне, утверждает, что Телемак был им написан в 1695—1696 гг., но появился в 1699 г.

его переводов, по словам А. А. Куника, издано до тридцати. Старший из русских переводов относят ко времени Петра. Но как в определении времени этого перевода, так и в показании его

(Энцикл. словарь Брокгауза-Эфрона). Brunet (*Manuel du libraire . . .*, 5-е изд., П т., Париж, 1861) относит первое издание к 1699 г., как и значится на титуле первой части его текста, прерванного конфискацией: «*Suite du quatrième livre de l'Odussée d'Homère, ou les Aventures de Télémaque, fils d'Ulysse. A Paris, chez la veuve de Claude Barbin . . . M. DC. XCIX*». Остальная часть текста в том же издательстве вышла ранее конца 1699 г., но без указания издателя и места издания. Издание Адриана Мугтенса в Гааге, поименованное В. К. Тредьяковским, соответствует приведенному Brunet: «*Les Aventures de Télémaque . . . suivant la copie de Paris, a La Haye, chez Adrian Moetjens, Marchand libraire. M. DC. XCIX*». Moetjens выпустил 5 изданий с датой 1699 г., и сверх того существовали и другие подобные, выпущенные с его именем. Brunet приводит затем издание А. Moetjens в Гааге 1701 г., текст которого, разделенный на 10 книг, впервые носит в титуле имя автора. Это издание было затем повторено несколько раз, между прочим в 1703 и 1705 г. (Brunet) и, очевидно, в 1706 г. (Тредьяковский).

Среди ранних изданий Телемака Brunet упоминает Брюссельское 1699 г., выпущенное в 2 томах Fr. Forpens, где текст разделен на 10 книг, и 1700 г., с делением на 16 книг. В Академии Наук есть I том издания 1699 г. Шмуц-титул его: «*Les aventures de Télémaque fils d'Ulysse. Suite de l'Odyssee d'Homère*». Титул на следующем листке: «*Les aventures de Télémaque fils d'Ulysse. Nouvelle Edition, divisée en dix Livres. Tome premier. A Bruxelles. Chez François Forpens. M. DC. XCIX*». На обороте титульного листка этого I тома следующий текст: «*Au lecteur. L'empressement que le Public a marqué pour le commencement de cet Ouvrage, m'en a fait chercher le reste avec soin, et je puis dire avec succès, que puisque cette impression a esté faite sur une copie sans lacune, très différente de celles qui sont entre les mains de quelques particuliers: l'ouvrage est présentement complet et entier, tel que l'a fait son illustre Auteur, dont la beauté et le tour des pensées, la variété et la force des expressions ne peuvent être remplacées que par luy même. Il est d'ailleurs inutile de faire l'éloge de ce Livre; le Public en connoît le mérite, et si le commencement luy a tant plû, il sera charmé du reste, et me scaura gré de mes soins. On a trouvé a propos de diviser cet Ouvrage en dix Livres, pour reposer le Lecteur; et pour plus grande commodité, on a mis avant chaque Livre un sommaire ou argument*». Судя по экземпляру Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, II-й том этого Брюссельского издания (François Forpens) вышел в 1700 (MDCC) году, причем и во II-м томе, равно как и в I-м, имени автора не дано.

Самым лучшим изданием, послужившим базой для изданий последующих, было издание 1717 г., текст которого снабжен именем автора и поделен на 24 книги: «*Les Aventures de Télémaque . . . par de La Mothe Fénelon, première édition conforme au manuscrit de l'auteur (avec un discours sur la poésie épique, par de Ramsay)*». Paris, Jacq. Etienne ou Florentin Deaulne, 1717.

текста существует много неясностей. О старшем, Петровском переводе, и его списках сообщеиe делали: А. А. Куник в заметке 1855 г. «Несколько слов о Фенелоне и его оде 1681 года, переведенной Ломоносовым»; А. Галахов в «Исторической хрестоматии нового периода русской словесности», т. I, СПб., 1861 г., стр. 42 и 43; А. Н. Пыпин в брошюре «Для любителей книжной старины», М., 1888 г., стр. 58. Сообщение Куника неопределенно: «В академическую библиотеку недавно поступил рукописный русский перевод Телемака из времен Петра В.» (Уч. Зап. АН по I и III отд., т. III, исг. материалы, стр. 260, прим. 7). Мы полагаем, что Куник разумел рукопись Библиотеки Академии Наук, по теперешнему шифру 31.4.27, переданную сюда в составе собрания Толстого в 1854 г. В заглавии этого списка сказано: «нынѣ вновь преведеса на росиинскій языкъ в санктъ петерь бурге 1724 году». А. Галахов напечатал около 100 начальных строк перевода «с рукописи Императорской Публичной Библиотеки» и сообщил заглавие его по этому списку. Заглавие с незначительными отменами читается так же, как в академическом списке № 31.4.27, и между прочим: «нынѣ вновь преведеса на россиискон языкъ. СПб. 1724». Что касается самого текста поэмы, то он также совпадает в списке Библиотеки Академии Наук № 31.4.27 и в списке, использованном А. Галаховым. Мы полагаем, что А. Галахов, использовал список собрания Фролова Публичной библиотеки, F.XV. № 13, о котором сообщил неясно А. Н. Пыпин, как о «переводѣ Телемака, 1724., в Петербургѣ». Сверх этого Пыпин указал еще две рукописи. Одна из них принадлежала библиотеке Московского Общества истории и древностей, I, № 161, F. Заглавие списка Общества истории и древностей приведено А. Н. Пыпиным неточно, но текст его все же совпадает с Акад. № 31.4.27 и перевод датирован 1724 г. Наконец, в «Отчете Московского Публичного и Румянцовского Музеев за 1910 год» (Москва 1911, стр. 6—8) описана под № 3596 дефектная рукопись XVIII в. русского перевода Телемака, с заглавием, датою перевода 1724 г. («в санктъ петерь бурхѣ 1724-го году») и текстом, тождественными Академическому списку № 31.4.27.

Итак, можно было бы высказать предположение, что нам известен в четырех пока списках XVIII в. один и тот же прозаический перевод Фенелонова Телемака, деленный на две части и на 24 книги, под таким приблизительно заглавием: «Похождение Телемака, сына Улисса. Сложение чрез господина

Франсоа де Салиньяк де Ламот Фенелон, учителя государей детей Французских, потом архиепископ дюк де Камбре и князь Святыя Империи. Новыя печати с подлинного манускрипта авторова (умножена и исправлена. Две части — Галахов и Пышин). Часть первая. Ныне внове преведесе на российский язык в Санкт Петербурге 1724 году». Но дело здесь не кончилось. В Библиотеку Академии Наук была в свое время передана из фонда Российской Академии рукопись того же прозаического перевода Фенелонова Телемака (XVIII в., в лист, на 186 номер. листах), которая затем поступила в Архив Академии, где и значится теперь под шифром: разряд II, опись I, № 91. По тексту поэмы, по второй половине заглавия и по делению на две части и 24 книги, рукопись эта совпадает с помянутыми тремя рукописями перевода 1724 г., но самый перевод датирован в ней 1734 г. Заглавие в Архивской рукописи № 91 неполно; верх листа 2-го, где оно находится, оставлен пустым, очевидно, для киновари или какой-либо иллюстрации первых строк заглавия, так и оставшихся невписанными. Итак, заглавие включает лишь следующие строки: «Сложение чрезъ господина Франсоа де Салиньякъ делямоттъ Фенелонъ учителей государей детей французских Потом архиепископъ дюкам декамбре и князь святыя Империи Новыя Печати С подлинного манускрипта авторова Часть Первая Внове переведесе на российской языкъ В Санкт Питербурхе 1734 году». Итак, один и тот же перевод датируется в рукописях то 1724 г. (три списка), то 1734 г. (один список). Можно было бы предположить, что этот единственный список, вообще безграмотный, ошибочно дал 1734 год вместо верного 1724, но такая его дата находит себе поддержку в печатном Академическом издании того же самого перевода, которое вышло в 1747 году под таким заглавием: «Похождение Телемака, сына Улиссова сочинено господином Фенелономъ учителемъ дѣтей короля Французского, бывшимъ потомъ архіепископомъ Камбрѣйскимъ, и княземъ Римскія Имперіи. Переведено на Россійской языкъ въ 1734 году и по особливому высочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшія Государыни Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійской Напечатано при Императорской Академіи Наукъ Въ Санктпетербургѣ 1747 года». Детали и оформление этой печатной книги лишь несколько отличаются от рукописей того же перевода. Так, содержание каждой из 24 книг суммировано в ней перед I-й частью (12 книг) и перед II-й (тоже 12 книг), как это,

например, сделано и в Архивской рукописи № 91, но противоречит академическому списку № 31.4.27, в котором содержание помещено перед каждой из 24 книг. Затем, в печатном издании 1747 г. нет «Предисловия» с биографическими сведениями о Фенелоне и похвалой ему, а это «Предисловие» есть в № 91, в № 31.4.27 и в № 3596; нет также и «Табели содержания книг», которая имеется в № 31.4.27. Кстати сказать, описатель Румянцевской рукописи № 3596 без основания предположил, что текст «Похождения Телемака» «приготовлен к изданию» именно по этой рукописи.

Время этого русского перевода можно было бы определять по дате французского издания, легшего в его основу, но это нам пока недоступно.

Приведа заглавие списка Публичной библиотеки с датой 1724 г. (вероятно, собрания Фролова, Ф. XV. № 13), А. Галахов заметил: «Слово «внове» показывает, что сочинение Фенелона переводилось и прежде 1724 г.» Скорее однако «внове» можно толковать как «в первый раз».

А. Н. Пыпин сообщает заглавие еще одной рукописи, именно: «Случаи Телемакова сына Улиссова или последование четвертых книги Одиссеи Омира чрез господина Франца де Солиняк де ля Мот Фенелон, архиепископа и дюка Камбрезеского князя священного Империи, графа Камбрезеского, прежде бывшего учителя государей, дюков Бургонских, Анжу Берри и прочая для научения государя дюка Бургонского МДССХII. Скороп. XVIII в., в л., на 265 л. Перевод Петровского времени. См. Рукописи (славянские и русские), принадл. (И. А.) Вахрамееву (М. 1888 г.); А. Титова, № 190, стр. 120». Судя по заглавию, рукопись Вахрамеева № 190 содержит особый перевод с французского издания Фенелона Телемака, вышедшего в печать в 1712 г. Едва ли МДССХII относится ко времени русского перевода. Определение этого перевода Петровским временем совершенно необосновано ни Титовым, ни Пыпиным.

Неблагосклонный отзыв Тредьяковского о переводе «1734 г.» в издании 1747 г. находится в Предъизъяснении, напечатанном при его Тилемахиде: «Уже известно, что Тилемах и на наш язык переведен, как то книге сей необходимо должно читаемой быть всеми народами, хотящими нелицемерно просветить свой разум, а сердце исправить, томуж и другому приобрести услаждение такое, кое от чтения книг и произойти в верховной степени

возможен. Но Тилемах наш переведенный и напечатанный токмо тень, или еще и та, истинного есть Тилемаха. Коль ни благоразумный и ни добронравный переводил его муж, и язык разумевший французский; однако, не обратившийся ни мало в Словесных науках, не мог произвести перевода своего так, как всеконечно надобно было. Списки, с недостаточного его во всецелом содержании перевода, еще беспредельно недостаточнее произникли; а обносясь повсюду, расплодили и сами списки ж с себя, но толь пренесовершенны, что Тилемаха в них по главному токмо почитай имени узнавать стало можно. Из таких точно списков один достался Академической Типографии, которая Тилемаха и произвела печатным тиснением. Правда, видели тогда знающие люди все недостатки в том списке, с коего так называемый набор в Типографии той производим был, и могли оным всех прежде чистого тиснения исправить; но крайнее по нуждению к скорости напечатания не допустило до того: так что каков был Тилемах в оном списке, таков подлинно и в свет издан. Жаль; но «что сделано, то уже не может быть не сделано». — «Factum, infectum fieri nequit. Terent. Phorm. V.8.4. — Factum est illud, fieri infectum non potest. Plaut. Aul. IV.10.15» (Смирд., LVII, LVIII).

Переводчика Телемакова происхождения, напечатанного Академической Типографией (в 1747 г.), Тредьяковский не назвал по имени, хотя и знал его, как можно заключить из признания переводившего «мужем благоразумным и добронравным», что никак не явствовало бы свойств перевода. Для этого умолчания имени были, значит, особые причины, к вскрытию которых мы и переходим.

П. Н. Берков обратил наше внимание на разговор С. А. Порошина с Н. И. Паниным, происходивший 15 января 1765 г. по окончании обеда, на котором присутствовал в. князь Павел Петрович: «Зашла речь о Телемаке. Его превосходительство Никита Иванович изволил говорить, что ему сей книги на русском языке никогда видать не случалось. Доносил я ему, что есть она переводу г. Хрущова, и что я для его превосходительства ее достану» (Семена Порошина «Записки, служащие к истории... в. князя Павла Петровича, наследника престолу российского», СПб., 1844, стр. 256 и 257). Итак, до издания Тилемахиды Тредьяковского (1766 г.) уже был Телемак на русском языке, в переводе некоего Хрущова. Это известие П. Н. Берков пред-

ложил нам сопоставить с данными биографии Андрея Федоровича Хрущова, родственника Артемия Петровича Волынского политического его конфидента с 1731 г. по 1740 г., когда «советник берг-коллегии» А. Ф. Хрущов сложил голову на плахе вместе с кабинет-министром Волинским и другими его единомышленниками. Волинский не знал иностранных языков, и европейски образованные члены его политического кружка не только приносили ему существовавшие на русском языке политические трактаты и памфлеты, но и специально для него переводили их (Макиавелли, Юст Липсий, Боккалини, Бессель). Хрущов, обучавшийся в Голландии с 1712 по 1720 гг., служил затем во флоте, сблизился в начале 30-х годов с Волинским и участвовал в собраниях его кружка, направленного против иноземцев-временщиков, к увеличению политических прав шляхетства, в частности — против императрицы Анны, в династических интересах царевны Елизаветы Петровны. С 1733 г. у Волынского явилась мысль изложить письменно «на подобие книги» свои соображения «о поправлении внутренних государственных дел». Получился обширный политический проект, из которого, после неоднократной его переработки, Волинский сделал в 1739 г. извлечение для императрицы. Хрущов был главным руководителем при составлении проекта и с радостью говорил Волинскому: «Сочинение это будет полезнее книги Телемаковой» (см. Д. А. Корсаков. Артемий Петрович Волинский и его конфиденты. «Русская старина», 1885 г., окт., особенно стр. 35. Русский биографический словарь, СПб., 1901, см. под: Хрущов, Андрей Федорович). Итак, слова А. Ф. Хрущова о «книге Телемаковой» подтверждают его авторство в том ее переводе, который списками датируется 1724 и 1734 гг., а печатным Елизаветинским изданием (1747 г.) только 1734-м, что вероятнее, если допустить, что перевод Телемака был сделан для Волынского. Зная, что этот перевод был исполнен А. Ф. Хрущовым, Тредьяковский стеснялся назвать это имя как потому, что оно принадлежало государственному преступнику, так и потому, что в суде над Волинским, Хрущовым и другими среди обвинений, предъявленных кабинет-министру, значилось избиеение им в 1740 г. секретаря десаис Академии Василия Кирилловича Тредьяковского.

Отзыв Тредьяковского об авторе прозаического перевода «1734 г.», напечатанного впервые в 1747 г., мы находим чрезмерно строгим. В тексте перевода нам не встретилось признаков, обли-

чающих переводчика в недостаточном знакомстве с словесными науками. «Перевод 1734 г.» обнаруживает высокий уровень литературного языка, и в нем наблюдается даже стремление к стилю. Есть местами ритмичность, напоминающая Карамзинскую прозу. Словарь перевода 1734 г. в основе заключает те же главные элементы, что и стихотворная Тилемахида Тредьяковского, то есть книжность и вульгарность, но смесь эта проще, чем у Тредьяковского, при полной разности в подборе слов для перевода и того и другого. Иностранные слова, например, оставленные непереуведенными в тексте «1734 г.», характерны для более ранней эпохи и близки к Петровскому времени. И славянизмы другие, чем у Тредьяковского. Может быть, Тредьяковскому не нравилась некоторая сухость перевода. Так, переводчик местами как бы сжимает французскую фразу, не гонясь за оттенками, тогда как Тредьяковский был склонен не только акцентировать оттенки, но и развертывать их в дополнение к подлиннику. Замечания Тредьяковского о недостатках списка, попавшего в печать в 1747 г., вероятно, справедливы. К таким недостаткам можно отнести несколько мелких пропусков. Затем встречаются досадные опечатки, искажения слов в типе народной этимологии. Для своего стихотворного перевода Тредьяковский опытом этой прозы не пользовался. Правда, нам попалось несколько случаев лексического совпадения, но они могли получиться и самостоятельно.

Далее в Предъизъяснении к Тилемахиде Тредьяковский говорит еще об анонимном частичном переводе Фенелонова Телемака, но уже «сходственнейшим со стихотворным слогом»: «По прошествии времени, предприняли некоторые рачители дать нам Тилемаха не токмо исправнейша в содержании, но и в течении слова сходственнейша с стихотворным слогом: уразумели они твердо, что Ироическая лирика не стройна всеконечно без приличного себе, и потоком лиущегося изглашения: чего ради несколько книг и совершили делом, со временем все прочии до самого конца совершить хотящии. Учинена мне честь сообщением, тогда еще, к прочтению сих нескольких книг с Тилемаха, в новом том и исправнейшем произведенных виде. Не можно не похвалить, достоуложного слога, и сего не льстивно, да и по самой справедливости: предложение сие метафрастическое, сходствует всесовершенно с авторовою прозаическою речеточивостию, так что французское слово»

изменилось токмо в Российское; разве сие одно может о Российской Речи сказаться, что она в нем, как не Стопами определено шествующа, лиется ИСТОРИЧЕСКАГО А НЕ ИРОИЧЕСКАГО повествования рекою, точно как у Автора, которому впрочем необходимо было нужно, лишенному всемерно Ироического Стиха, прозаичесествовать; но что нам, обогащенным таковым стихом от природная благоплодности, в текущей плавно, плающей жарко, и на все извивающей страны способно и высокопарно Словесности нашей, не прилично б, мнится, было тот пренебрещи, и самоизвольно неимущими являться в изобилии, равно как стоящими в воде по уста, а напиться не могущим. Наконец, мы имеем высокий сей Ироический Стих издревле; а Тилемах и есть Эпическая Пима, которая требует Оморова или Маронова ристательного бега» (LVIII, LIX).

Кажется, никто из исследователей не отметил существования этого, очевидно, ритмического, но «не шествующего стопами» перевода нескольких книг Тилемака. Следует пересмотреть рукописные собрания с целью поискать соответствующего списка — тем более что форма речи этого перевода, смутно определенная Тредьяковским, будит интерес своей необычностью.

Наконец, Тредьяковский сообщает о стихотворном переложении Тилемака ямбом с рифмами:

«Другим напротив, в нынешнее точно время, зная что всякой Пиме, по превосходствуж (χλτ'ἔξοχῆν), первенствующей пред всеми Ироической, должно теши определеною мерою, потщались прелагать Тилемаха, еще вновь, Стихами, и сими ЯМБИЧЕСКИМИ, да и с так именуемою окончательною рифмою. Сообщены мне были три первые книги и сего Рифмического предложения, да просмотрю оные. Попривилось начинание: похвалил я стремительство, еще и поострил ободрением трудоположника к продолжению дела. Подлинно, и сей труд есть достохваден. Но видели мы уже выше, что Ироическая Пимы течению не свойственны как Рифмы, так и Стопы мер ЯМБИЧЕСКИХ» (LIX).

Этот опыт ямбического переложения Тилемака Я. К. Грот приписывает Г. Р. Державину, который, по словам И. И. Дмитриева, сделал его с существовавшего русского перевода (между 1762 и 1766 гг.).¹

¹ Став весной 1762 г. солдатом Преображенского полка и живя в Цетербургской казарме, Державин по ночам «читал книги, какие мне достать»

Обратимся к «Предъизъяснению об Ироической пиме», которое предпослано В. К. Тредьяковским его Тилемахиде.¹

Кроме сообщения о прежних русских переводах «Тилемака» и характеристики особенностей своего перевода и его издания, а также сверх рассуждения о русском стихе [«шествующем стопами по так именуемому Тбническому Количеству»], и об умственности применения к переводу эпической поэмы стихов «Дактилотрохаических», «Ексаметра» без рифм, все остальные части «Предъизъяснения» Тредьяковский заимствовал из разных западноевропейских поэтик и из текста античных поэтов. «Только есть всего, что я мог выбрать из различных мест об Ироической Пиме вообще, и о Тилемахе из Тилемаха (т. е. Фенелонова) вособности» (Смирд. LVII). Действительно, по крайней мере треть «Предъизъяснения» заимствована Тредьяковским из «Discours sur la poésie épique, et sur l'excellence du poëme de Télémaque» А. Ramsay, из этого именно «Рассуждения», которое впервые было помещено перед поэмой Фенелона в издании 1717 г. Последователь идей Фенелона, его почитатель и биограф, Ramsay, красноречиво изложил привлекательные стороны социально-поли-

случалось, немецкие и русские, и марад стихи без всяких правил...» (Зап. Д., Соч. Д., ред. Грота, т. VI, стр. 427). «Сюда (по словам Грота, ib., 427, прим. 1) относится следующее место из записок Дмитрвева («Взгляд на мою жизнь», стр. 64): «Кто бы мог отгадать, какой был первый опыт творца Водопада? — Переложение в стихи или, лучше сказать, на рифмы плохих прибасок на счет каждого гвардейского полка! Потом он обратился уже к высшему рифмованью и переложил в стихи несколько начальных страниц Тилемака, с русского перевода».

¹ Предварительно сообщим несколько данных о первом печатном издании Тилемахиды. Титул книги: «Тилемахида или Странствование Тилемаха сына Одиссея описанное в составъ ироическя пимы Василиемъ Тредьяковскимъ надворнымъ Совѣтникомъ членомъ Санктпетербургскя Императорскя Академиі Наукъ с Французскя нестихословныя рѣчи сочиненныя Францискомъ де-Салиньякомъ де-ла-Мотомъ Фенелономъ Архиепископомъ-Дюкомъ Камбрейскимъ Принцомъ Священныя Имперіи. Томъ первый в Санктпетербургѣ 1766 года». То же заглавие повторено на титуле второго тома (Том второй). В каждом томе заключается по 12 книг Тилемахиды, текст которой поделен на 24 книги. Издание 1766 г. вышло в двух видах: на толстой, отличной бумаге, размером $20\frac{1}{2} \times 27$ см, и на тонкой, плохой бумаге, размером $19\frac{1}{2} \times 25$ см. Этот обмер произведен по переплетенным в XVIII в. экземплярам Академии Наук, причем у лучшего вида издания переплетен каждый том в отдельности (экземпляр Библиотеки Академии), а у худшего — оба тома переплетены вместе (экземпляр Института книги, документа, письма).

гической утопии Телемака, «la morale du Télémaque», чем несомненно воздействовал на миропонимание Тредьяковского, который сам был поклонником философов, воздействовавших на Фенелона. Приводя далее заимствования из Ramsay, данные в «Предъизъяснении», мы, следовательно, сообщаем идеи самого Тредьяковского.

Телемак Фенелона восхищал Тредьяковского. «Книге сей необходимо должно читаемой быть всеми Народами, хотящими неллицемерно просветить свой Разум, а Сердце исправить, томуж и другому приобрести услаждение такое, кое от чтения Книги произойти в верховной степени возможно» (LVII). Как видите, среди достоинств Телемака на первом месте он ставит просвещение разума и сердца. Полагая, «что пима проическая» вообще должна «подавать твердое наставление человеческому роду, научая сей любить добродетель», «вещать то самое, что сущее Нравоучительное Любомудрие, и есть Нравственная истиною Философия» (IV), Тредьяковский считает Фенелона превзошедшим в этом отношении Гомера и Вергилия (XVI, XVII).

Характеристике «превысокого Нравоучения» (une morale sublime), «глубокого Нравоучительства» (une profonde morale) в «Предъизъяснении» отведено много места, соответственно Ramsay. Вот, например, что здесь говорится о том способе нравоучения, который назван «преднаписанием Правил» (les préceptes). «Цель Политики его (Фенелона) вся в том, чтоб мы предпочитали Общее Благо Собственному, и любилб всех обще человекв. Ведом Махиавил (Махиапель) и Оввисий (Гоббес): сии оба под суетным и ложным предлогом, что будто польза Общества, не имеет ничего общего с существенным Добром Человека, то есть с Добродетелию, полагают за Прáвила Державствования одну только Хитрость, Коварство, Обман, Тираннию, Неправду и Злочестие. Но Автор Тилемаха соединил сáмую совершенную Политику с прекрайнею Добродетелию. Большое Основание его, на коем все утверждается, есть сие, что весь Мир, токмо едино Общество, и что каждый Народ, как великое некое Домочадство. От сего изрядного и ясного Понятия рождаются Законы Естества и Народов, праводушные, милосердые, человеколюбивыи. Не почитается уже каждая Страна, не зависящею от других; но род человеческий приемлется за некое Всецелое и Неразделимое. Но довольно к тому любви к единому Отечеству: сердце расширяется, становится

безмерное и повсемственным Дружелюбием объемлет всех Человеков» (XXXIX).¹ Далее, повторяя Ramsay, Тредьяковский защищает Фенелона и в том, что он учил предпочитать «многогрудные должности Добродетели своим Услаждениям» и внушал героическую самоотверженность (XL, XLII). Тредьяковский повторяет Ramsay и в формулировке социальных норм «Телемака», делающих «Общество» «блаженным» (XXXIX, XL, XLII, XLIII). Эти нормы изложены кратко, без мотивировки и гораздо осторожнее, чем они изображены в самой поэме Фенелона. О «вольности», как здесь — в «Предъизъяснении», так и в «Указании вещам по алфавиту», нет ни слова. Вскользь упоминается только, что в Телемаке показан «способ», «как изобретать средину между излишествами могущества Деспотического (самопреобладающего) и бесчисленными и Анархическими (не имеющими Начальствующего)» (XLIII).²

Утвердившись в представлении о Тредьяковском, как о мыслителе-гражданине в новом для Московии европейском смысле, мы приводили из «Предъизъяснения» Тилемахиды цитаты, не совсем обычные для недавних русских «словесников», любителей «элоквенции», которые рассматривали Тредьяковского, как бесталанного поэта, хотя и находчивого теоретика версификации преимущественно. Несмотря на то, что пренебрежительная

¹ «... le but de sa Politique est de nous faire préférer le Bien public au Bien particulier, et de nous faire aimer le Genre-humain. On sait les systèmes de Machiavel, d'Hobbes, et de deux Auteurs plus modérés, Puffendorf, et Grotius (Тредьяковский опустил именно Пуфендорфа и Гроция, ибо сам им следовал). Les deux premiers établissemens pour seules maximes dans l'Art de gouverner, la finesse, les artifices, les stratagèmes, le despotisme, l'injustice et l'irréligion... » (Далее Тредьяковский опустил кризиску Пуфендорфа и Гроция). Mais l'Auteur du Télémaque est original, en ce qu'il a uni la Politique la plus parfaite avec les idées de la Vertu la plus consommée. Le grand principe sur lequel tout roule, est que le Monde entier n'est qu'une même République... , et chaque Peuple comme une grande Famille. De cette belle et lumineuse idée naissent ce que les Politiques appellent les Loix de Nature et des Nations, équitables, généreuses, pleines d'humanité. On ne regarde plus chaque Païs comme indépendant des autres; mais le Genre-humain comme un Tout indivisible. On ne se borne plus à l'amour de sa Patric; le coeur s'étend, devient immense, et, par une amitié universelle embrasse tous les Hommes. Discours de la poésie épique et de l'excellence du poëme de Télémaque, de Ramsay.

² la manière... de trouver le milieu entre les excès d'un Pouvoir despotique, et les désordres de l'Anarchie.

оценка школьных учителей «словесности» сказалась и на философах, все же последние заинтересовались Тредьяковским. Так, в «Очерке истории русской философии» (1921 г.) Э. Радлов сообщил следующее: «Справедливость требует упомянуть в числе зачинателей русской философии и трудолюбивого, но мало талантливое противника Ломоносова, В. Тредиаковского; к его „Слову о мудрости, благоразумии и добродетели“ [СПб. 1752] им приложен словарь латинских терминов с переводом их на французский язык. В [этой] своей речи Тредиаковский пользуется русскими терминами. К переводу различных томов [т. 3, 5, 6, 7, 11—14] огромной „Римской истории“ Роллена, сделанному нашим трудолюбивым академиком, им же написаны введения, в которых изложен курс практической философии (стр. 10), [т. е.] курс естественного права и этики. Это весьма обширное произведение составлено, главным образом, по Пуффендорфу (сочинение Пуффендорфа „О должностях гражданина и человека“) и Томазиу (Христиан Thomazius, 1655—1728 г., последователь Пуффендорфа и Локка). . . Естественное право изложено целиком по Пуффендорфу, а этика по Гейнекцию» (стр. 81, 82). И в своих философских суждениях Тредьяковский также был несамостоятелен, следуя тем же — Пуффендорфу, Томазиу и Гейнекцию, или Бекону, конспект философии которого он напечатал.¹ Но дело не в самостоятельности, а в той убежденности, с которой Тредьяковский вводил в русское общество идеи западной философии. Пусть эти идеи не абсолютно правы, или даже абсолютно неправы, но они являлись неизбежным этапом организованной мысли, который полезно было пережить Московии, так и не испытавшей эпохи возрождения, эпохи гуманизма.

Радлов справедливо отметил прежде всего заботу Тредьяковского о философских терминах («философических званиях»), то-

¹ Труд В. К. Тредьяковского «Сокращение Философии Канцлера Франциска Бакона» (напеч. в 1760 г.), заключающий в себе и «Житие Канцлера Франциска Бакона», представляет собой перевод с французского изданных в 1755 г. сочинений двух авторов: Alexandre Deleyere (*Analyse de la Philosophie du Chancelier François Bacon, том I*) и англичанина David Mallet во французском переводе Pouillot (*Vie de chancelier François Bacon*). См. П. В. Шаля. К вопросу о языковых средствах переводчиков XVIII столетия (Тредиаковский как переводчик). Труды Кубанского педагогического института и состоящих при нем: научно-педагогического, литературно-историко-этнологического и физико-математического научных обществ. Том 2—3, Краснодар, 1929,

есть о словах, вместе с которыми входили в наш оборот и новые или обновляемые понятия. Приведем некоторые из них в трехязычных выражениях Тредьяковского: «понятие» (*idea, idée*), «разумность» (*intelligentia, intelligence*), «впечатление» (*impressio, impression*), «достоверность» (*certitudo*), «нравственное» (*moralis, morale, la morale*), «честность» (*honestum, l'honête*), «искренность» (*sinceritas, sincérité*), «постоянство» (*constantia, constance*), «крайнее благо» (*summum bonum, souverain bien*), «право естественное» (*ius naturae, droit naturel*), «общество» (*societas*) — см. «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели». Этот подбор удачно подобранных в русском языке терминов, конечно, не исключает неудач в переводческой работе Тредьяковского над философскими сочинениями. Так, анализ переведенного Тредьяковским «Сокращения Философии Канцлера Франциска Бакона» обнаружил почти полный неуспех переводчика в тех случаях, когда французский термин он передавал русским словом. Получалось семантическое несовпадение. Исключением являются, пожалуй, галлицизмы и вообще иностранные слова, оставленные Тредьяковским без перевода и лишь ославяненные формально. В большинстве они еще и теперь не вышли из употребления, но лишь немногие из них относятся к философской терминологии (см. словарь № 3 при статье И. В. Шаля «К вопросу о языковых средствах переводчиков XVIII столетия»). Как бы то ни было, значение этой труднейшей работы Тредьяковского и ее действительных достижений становится совершенно ясным перед лицом нижеследующего факта, сообщаемого Шпетом. В одном году с Тилемахидой (1766) была напечатана переводная книга «Основания умственной и нравоучительной философии обще с сокращенною историею философическою, сочиненная Иоанном Готтлибом Гейнекцием... с латинского языка на российский переведенная». Здесь, в предисловии к благосклонному читателю содержится между прочим отчаянная жалоба переводчика на «недостаток слов в изображении терминов»: «сей недостаток так было меня тронул, что я начатой уже труд мой расудил оставить; однако потѣм, следуя других совету, что лучше хотя малым отечество пользоваться, нежели ничем, предпринял оный совершенно кончить» («Очерк развития русской философии» Г. Шпета, I ч., Пб., 1922, стр. 23, 24).

В «Словаре светских писателей» м. Евгения (1845 г.) сообщено, что «при имп. Екатерине в Эрмитаже установлено было

шуточное наказание за легкую вину выпить стакан холодной воды и прочесть из Тилемахиды страницу; а за важнейшую — выучить из оной шесть строк. Сей закон написан был золотыми буквами на таблице, которая и до ныне дела».

Карамзин рассказывает этот «анекдот» иначе: «Екатерина II, любя успехи Российского языка, желала, чтобы в избранном обществе Эрмитажа все говорили по Русски... За всякое иностранное слово, вмешанное в разговор, виновный осуждался прочесть сто стихов из Тилемахиды Тредиаковского». В «Сыне Отечества», издаваемом Н. Гречем и Ф. Булгариным, часть 175, СПб., 1836, имеется статья «Литературные забавы Екатерины Великой в Эрмитаже», где сообщается: «Эрмитажные правила, написанные Императрицею, выставлены были в галерее, ведущей из внутренних комнат дворца. Оне и донныне хранятся там в рамке под занавескою. Дух их виден из того, что в наказание преступникам предписывалось законодательницею — выпить стакан холодной воды, или выучить несколько стихов из Тилемахиды Тредьяковского, судя по важности преступления» (82 стр.). В журнале «Всякая всячина», которым руководила Екатерина, настойчиво рекомендуется чтение Тилемахиды, как лекарство от бессонницы (1769 г.). Нам, однако, кажется, что в Тилемахиде не нравилось Екатерине не форма, а содержание.

Екатерина не могла отнестись к Тилемахиде иначе, чем отнесся к Тилемаку Фенелона Людовик XIV и его двор — «la plus flatteuse Cour qu'il y ait peut-être jamais eu au monde», что в той же мере можно сказать и о дворе Екатерины. Фенелон сам признавался впоследствии, что хотел представить в Приключениях Тилемака «все истины, необходимые для правительства, и все прегрешения, в которые может впасть верховная власть». Его современники пошли дальше. Колоссальный успех «Тилемака» объясняется тем, что читатели усматривали в этой поэме прозрачные намеки на хорошо знакомых лиц. В Идомеене узнавали Людовика XIV, в Протезилае маркиза де-Лувуа, в Астарбее — маркизу де-Монтеспан, королевскую любовницу, и т. д. (см. les Remarques при лондонском издании 1780 г., воспроизведшем роттердамское издание 1725 г.). Все это однако несомненное преувеличение. Фенелон в своей критике имел в виду более широкие задачи, и на него с одинаковым правом могли обидеться и Людовик XIV со своими министрами и любой король и министр, как справедливо заметил Н. И. Раддиг. Критика и оппозиция абсо-

лютной монархии, пасифистские идеи и утопические уроки Фенелона, переведенные Тредьяковским, не только обидели Екатерину, но показались ей прямо опасными, так как через издание Тилемахиды входили в общественное обращение. Но Тредьяковский, чернорабочий просвещения, безродный труженик, не мог удостоиться такой кары, как придворный вельможа Фенелон, тем более, что своим переводом он выполнял только программу Петра. Для Тредьяковского было достаточно только пренебрежения и притом такого, которое обесценило бы его перевод, как смехоподобный.¹ Касаться самого содержания поэмы Екатерине казалось неудобным, так как она сама не прочь была полиберальничать на западноевропейский манер. И вот она облила презрением одну лишь форму перевода, в которой, надо сказать, не могла быть судьей, потому что не любила стихи вообще и не понимала, как следует, русский язык.² Впрочем, она угадала сла-

¹ Приводимые здесь и на стр. 33 соображения о причинах отрицательного отношения Екатерины к Тилемахиде впервые высказаны были нами в 1927 г. на декабрьском заседании Подсекции древней литературы и фольклора Института русской литературы РАНИОН в Москве. Эти соображения были затем печатно повторены в 1928 г. Л. И. Тимофеевым, тогда аспирантом Института (В. К. Тредьяковский. К 225-летию со дня рождения. Л. Тимофеев. На литературном посту. Апрель. 1928 г.).

² В статье Г. Геннади «Еще о драматических сочинениях Екатерины II (Библиографические заметки)», помещенной в «Библиографических записках» 1858 г., т. I, сообщается «относительно куплетов и арий, находящихся в драматических произведениях Екатерины II, что все они вставленные и сочиненные посторонними лицами и что императрица стихов не писала. Это известно и по преданиям и по некоторым печатным свидетельствам. В записках Храповицкого часто встречается известие, что он сочинял хоры к операм, которые ему давала государыня переписывать» (столб. 507). Далее Геннади сообщает показания де-Линя и Сегюра. Де-Ливь, сопровождавший Екатерину в Крым (1787 г.), рассказывает, как по ее просьбе Сегюр составил для нее руководство к стихосложению с примерами, как она написала всего шесть французских стихов с массой ошибок и затем навсегда отказалась от дальнейших попыток. Но все же она завялась стихами в Бахчисарае и после четырехчасового размышления написала две строки. Сообщая тот же эпизод, Сегюр восклицает: «Не было, я думаю, слуха, до такой степени нечувствительного к созданию стихов» (столб. 507 и 508). Что касается до владения русским языком и грамотою, то показательно «Объявление, написанное императрицею Екатериною II для ее Эрмитажа»: «*Asseyé vous, si vous voulés, et cela où vous plaira sans qu'on vous le repete cent fois.*». «Изволтъ състь, гдѣ хотитъ, неожидая повторенье церемоніи газайка (-хозяйка) здѣшная ненавидуетъ и за досада принимаетъ, а всякой въ своем домѣ волентъ» («Библиографические записки», 1859 г.,

бое место творчества Тредьяковского, который в стихах Тилемахиды выявил себя не как удачный гармонизатор русского языка, не как поэт, а как ученый, который создал русский литературный язык так сказать перед глазами читателей, вводя их в самую лабораторию языкового творчества. Достигнутые им результаты были даны в поэме, как опыты, а не как отчищенная до последнего продукция. Это отсутствие окончательной отделки, которая требовала не только ума исследователя, но и гения поэта, и послужило отличной почвой для насмешек Екатерины. Для нее было неважно, что Россия впервые получила верное выражение жанра — эпический гекзаметр, она воспользовалась тем, что этот гекзаметр был грубо скован и местами вызывал смех у людей «вкуса».

Приведем несколько отрывков Тилемахиды, содержание которых в том или ином отношении могло быть неприятно самовластной Екатерине, стремившейся быть царицей «нышней» и «победоносной», претендовавшей на исключительное мастерство управления. Здесь она не только сталкивалась с критикой и оппозицией, но могла видеть намеки на некоторые черты своей авантюрной биографии, о которой не хотела бы вспоминать.

Горе. Чему цари бывают подвержены часто?

Часто мудрейший в них увлается в сети не-чая:

Люди пронырны, корысть и любящи их окружают;

Добрыи все отстают от них отлучаясь особно,

Тем, что-они не-умéют ласкать и-казаться услужны:

Добрыи ждут, пока не взыщутся и призовутся,

А Государи почти не-способны снискивать оных.

т. II, столб. 662). Сомнительно, чтобы и беллетристическая проза Екатерины ей деликом принадлежала. Над приведенным в порядок этой прозы, очевидно, трудился весь русский секретариат императрицы. Даже более того. В приведенной выше статье Г. Геннади читаем: «Макаров утверждает, что «по плану задуманному государынею в 1772 году, явилась из под пера княгини Дашковой: г-жа Вестникова с семьею». Если верить этому показанию, сообщенному из рассказов самой Дашковой, то не должно ли признать участие княгини и в сочинении других пьес, сочиненных в Ярославле и совершенно одинаковым образом изданных?» (столб. 499). Может быть, имеет значение и следующая справка Г. Геннади по поводу комедии Екатерины «Шаман спбирской» (напеч. в 1786 г.): «Князь Шаховской в своей Летописи русского театра, помещенной в Репертуаре 1840 г. (июнь, стр. 4) приписывает сочинение этой пьесы актеру Ивану Соколову» (столб. 503).

Злыиж, сему напротив, суть смелы, обманчивы, дерзки,
 Скóры вкрасться, во-всём угождать, притворяться искусны,
 Сделать готовы все, что-противно Совести, Чести,
 Толькоб Страсти им удовлетить в Самодержавном.
 О! злополучен Царь, что толь открыт Злых-коварствам:
 Он погиб, когда Ласкательств не отрывает,
 И не любит всех вещающих Истину смело.¹

Кн. II, 40, 41.

Все Государи, всегда которы преспеючи были,
 Суть не-весьма за тем своего блаженства достойны:
 Нега портит их, а — величье упоевает.
 Будешь-же ты когда другим Властелин человекам,
 И Добродетельми Отчими править мирное Царство;
 Помни, что-сам был слаб, бедн, страждущ равно как-оны,
 Сладко тебе да-бывает всем им делать отраду,
 Подданных прямо люби, проклинай ласкательства вредны,
 Да и знай притом, что Великим будешь постольку,
 Ты поскольку в стремительствах всех быть станешь умерен,
 А всегда Бодр, Храбр, побеждать кипящие Страсти.»²

II, 43.

Слова Сесострия — царя «образцового», но обманутого:
 О! пренестчаслив всяк, говорил, кто-Державствует в Людах:
 Часто не-может зрить своими Правды очами;

¹ *Helas! à quoi les Rois sont-ils exposés? Les plus sages même sont souvent surpris. Des hommes artificieux et intéressés les environnent; les bons se reti-
 rent, parce qu'ils ne sont ni empressés ni flatteurs: les bons attendent qu'on
 les cherche, et les Princes ne savent guère les aller chercher. Au contraire,
 les méchants sont hardis, trompeurs, empressés à s'insinuer et à plaire, adroits
 à dissimuler, prêts à tout faire contre l'honneur et la conscience, pour conten-
 ter les passions de celui qui régné. O qu'un Roi est malheureux d'être exposé
 aux artifices des méchants! il est perdu s'il ne repousse la flatterie, et s'il n'aime
 ceux qui disent hardiment la vérité. Voilà les réflexions que je faisois dans mon
 malheur, et je rappellois tout ce que j'avois oui dire à Mentor.*

² *Une voix mugissante sortit de la caverne, et me fit entendre ces paroles:
 Fils du sage Ulysse, il faut que tu deviennes, comme lui, grand par la patience.
 Les Princes qui ont toujours été heureux, ne sont guere dignes de l'être; la
 mollesse les corrompt, l'orgueil les enivre. Que tu seras heureux, si tu surmon-
 tes malheurs, et si tu ne les oublies jamais! ... Quand tu seras le maître des
 autres hommes, souvien-toi que tu as été foible, pauvre et souffrant comme eux;
 prens plaisir à les soulager; aime ton peuple, déteste la flatterie, et sache que
 tu ne seras grand qu'autant que tu seras modéré et courageux pour vaincre tes
 passions.*

Он окружён такими Людьями, которые Правду
 Не допускают всегда доходить к Повелителю прочих;
 Каждому надобность в том, чтоб-его обольстить наилучше;
 Каждый Ревности видом свое любочестие кроет.
 Всяк отвне оказывает любовь к Особе верьховной,
 Внўтьр-же не-любит всяк, как Богáтство даемое оным:
 Царь толь мало любим, что,-к-приятїю милости Царски,
 Льстят царю во всем, и — во-всём Царю изменяют.¹

II, 54..

Из беседы Телемака с Ментором на Крите, управлявшемся
 по законам мудрого Миноя.

Я спросил у-негó, состоит в чем Царска Державность?
 Он отвещал: Царь властен есть во всем над-Нарóдом: —
 Но Законы над-нїм во всем же властны конечно.
 Мошь его Самодержна, единственно Доброе делать;
 Связаны рўки имеет он на всякое Злое.
 Их Законы во-влáсть ему Народ поверяют,
 Как предрагий Залог из всех во Свете Залогов;
 Так чтоб-он-был Отец Подчиненным всем и-Подрўчным.
 Хочет Закон, да-одїн человек, за Мудрость и Мёрность,
 Служит многих толь Людєй Благоденствию паче,
 Нежели многїи Люди толь, за Бедность и-Рáбство,
 Подлю Гордость и-Нёгу льстят одного человека.
 Царь не должен иметь ничего сверх в Обществе прочих,
 Разве что-нўжно его облегчить от-труда многодельна,
 И впечатлеть во всех Почтенїе благоговейно,
 Как к Блюстителю всех положённых мўдро Законов.
 Впрочем, Царю, быть должно трёзвейшу, мнее роскошну,
 Более чўжду Пышности, нежели просту Людину.
 Больше Богатства ему и-Веселїй иметь не-достóит,
 Но Премудрости, Славы, ктомууж Добродетели больше,
 Нежели стяжут коль сих прочїи все человеки.
 Вне Он должен быть Защитник Отечеству миру;
 Воинствам всем Предводитель, и-сим верьховный Начальник;

¹ O qu'on est malheureux, disoit-il, quand'on est au dessus du reste des hommes! souvent on ne peut voir la vérité par ses propres yeux; on est environné de gens qui l'empêchent d'arriver jusqu'à celui qui commande; chacun est intéressé à le tromper; chacun, sous une apparence de zèle, cache son ambition, et fait semblant d'aimer le Roi, et on n'aime que les richesses qu'il donne— on l'aime si peu, que pour obtenir ses faveurs, on le flatte et on le trahit.

Внутрь Судія, чтоб-Подсудным быть Дóбрым, Разумным, Счаст-
ливым.

Боги Царем его не-емѹ соделали в пользу;
Он есть Царь, чтоб был Человек всем Людям взаимно:
Людям свое отдавать он должен целое время,
Все свои попечения, и-усердие Людям:
Он потолику достоин Царить, поколику не тщится
Памятен быть о-себѣ, да предѣтся Добру всенародну.
Царь Минóй утвердил, по нем чтоб-не-цáрствовать Детям,
Если они не-по-сѣм же Правилам Царствовать будут.
Вышше любил он свой Народ своегож Домочадства!
Мудрость сѣя то средством была, что-он-весь-Крит соделал
Силен толь, и-прослáвлен толь, и толь Благосчастен.
Мерность его сѣя помрачила громкую Славу
Всех Победителей тех, которы стремятся да-рóды
Служат Величю собственну их, Пустоте разумею,
Правдою он, наконец, заслужил быть в Царствѣ Мертвых,
В Тартаре мрачном том Председателем и Судією.¹

V, 133—134.

¹ Je lui demandai en quoi consistoit l'autorité du Roi, et il me répondit: il peut tout sur les peuples, mais les Loix peuvent tout sur lui. Il a une puissance absolue pour faire le bien, et les mains liées dès qu'il veut faire le mal. Les Loix lui confient les peuples comme le plus précieux de tous les dépôts, à condition qu'il sera le Père de ses S jets. Elles veulent qu'un seul homme serve par sa sagesse et par sa modération à la félicité de tant d'hommes; et non pas que tant d'hommes servent par leur misère et par leur servitude lâche à flatter l'orgueil et la mollesse d'un seul homme. Le Roi ne doit rien avoir au-dessus des autres, excepté ce qui est nécessaire, ou pour le soulager dans ses pénibles fonctions, ou pour imprimer aux peuples le respect de celui qui doit soutenir les Loix. D'ailleurs, le Roi doit être plus sobre, plus ennemi de la mollesse, plus exempt de faste et de hauteur qu'aucun autre. Il ne doit point avoir plus de richesses et de plaisirs; mais plus de sagesse, de vertu et de gloire que le reste des hommes. Il doit être au-dehors le Défenseur de la patrie, en commandant les armées; et au-dedans le Juge des peuples pour les rendre bons, sages et heureux. Ce n'est point pour lui-même que les Dieux l'ont fait Roi, il ne l'est que pour être l'homme des peuples: c'est aux peuples qu'il doit tout son tems, tous ses soins, toute son affection; et il n'est digne de la Royauté qu'autant qu'il s'oublie lui-même pour se sacrifier au Bien-public. Minos n'a voulu que ses enfans régnaissent après lui, qu'à condition qu'ils régneroient suivant ces maximes. Il aimoit encore plus son peuple que sa famille. C'est par une telle sagesse qu'il a readu la Crète si puissante et si heureuse. C'est par cette modération qu'il a effacé la gloire de tous les Conquéraus qui veulent faire servir les peuples à leur propre grandeur, c'est-à-dire à leur vanité. Enfin, c'est par sa justice qu'il a mérité d'être aux Enfers le souverain Juge des morts.

Первый из мудрецов, поставленных Миноем судьями, разогнул Книгу с Законами Миноевыми;

«Все из них ся пред-разгнүтием облобызали:

Ибо они утверждают, что, - после Богов величайших,

От которых нам приходят Законы благи,

Нет ничего иного Священнейша всем Человекам,

Разве Законов, чтоб Людям быть-Добрим, Разумным,

Блаженным.

Кто имеет в руках Законы, да-правит Народом,

Должен всегда и сам поступать по-Законам-же верно:

Ибо Закон, а не Человек, в нас царствовать должен.

Те премудрыи Мужи словá таковы-то вещали!¹

V, 149.

Миноевыми мудрецами

«Предложена потѣм другая Задача в словах сих:

Кто Несчастнейший есть из всех Человеков во-Свѣте?».

V, 150.

«Но вопрошен-был и-я, в ответ им скоро сказавший;

Следя Правилам тем, научился от-Мѣнтора коим,

Что во всех Человеках есть то Царь пребесчasten,

Мнится пресчastлив кой-бѣть, что в бедность прочих

вергает:

Он, по-своей слепоте, еще сугубо несчastлив,

Как не-могүщий знать своегож несчastія точна,

И не может притом от-негѣ никогда устранился,

Тем что-бойтса в себе его познать совершенно:

Чстина, Лбстящих к нему сквозь-Толцү не может

продраться.

Мучим он-люто есть всегда своимн Страстями;

Он из Должностей всех отнюд неедини не-знает;

Сладости он никогда не вкусил Добра в сотворени,

И никогдаж не-видал Красоты в Добродетели чистой:

Он злополучен во-всѣм, и-достоин быть Злополучен;

Каждый день ему несчastный еще прибавляет;

¹ Tous ces Vieillards le baisèrent avec respect; car ils disent, qu'après les Dieux, de qui les bonnes Loix viennent, rien ne doit être si sacré aux hommes que les Loix destinées à les rendre bons, sages et heureux. Ceux qui ont dans leurs mains les Loix pour gouverner les peuples, doivent toujours se laisser gouverner eux-mêmes par les Loix. C'est la Loi, et non pas l'Homme, qui doit régner. Tel étoit le discours de ces Sages.

К гибели он своей бежит, и-готовятся Боги
 Одного препостыдить вельми Наказанием вечным.
 Весь Собор признал победёна мною Лесвйца;
 А Престарелыи Мужи те и всем объявили,
 Что улучил я Тóлком в истинный Разум Мінóев.

В третей тóт-же Задаче сие вопрошеніе было:
 Кой из двух Царей предпочтения лучше достоин?
 Царь-ли, кой-ёсть Победитель и-не ододем на-брани;
 Иль не Войтель Царь, но Миролюбív в Предержавстве?
 .....
 Мысль и-мою восхотели узнать, Я-отвётствовал тако:

Царь искусный державствовать токмо в Мире иль-в-
 брани;

И руководствовать свой Народ единственно в сих двух,
 Есть не Полный Царь, да-Царя́ половина едина.
 Буже сличить Царя Войнолюбца с мóдрым Державцем,
 Кой, не умея сам, Полководцами брань совершает;
 То сей есть, по мне, Предпочтеннейшій всяко Другому.
 Царь, преклонный к Войне, всегда весть брани восхоцет,
 Распространить-бы Державу свою, и собственно Славу;
 Чем неминуемо он разорит себе Подзаконных.
 Кая Польза сим, что Царь-их Других покаряет,
 Бude в Царстве его несчастны они пребывают.
 Сверх же, долгая брань всегда бесчиніе вводит;
 Портятся и Победители сами в то-смóтное время.
 Зрите, в колико стало Троян победившей Елладе:
 Десять, и-бóльше, лет без-Царей сія пребывала.
 Брани пожар когда разливается пламенем всюду;
 То Земледельство, Художества вянут, молчат и-Закóвы.
 Лучшіи все из Царей, как брань им выдержать должно,
 Принуждены сносить величайшее Зол, Своевольность,
 И удостоивать в Службу себе Людей пренедобрых.
 Сколько Злотворцев в Мир под смертную казнь

подпадают,

Кои себе получают в брань Награжденія Пóченье?
 Нёбыл Царь никогда Победитель ни-в-кóем Народе,
 От Властолюбія гдеб его не-страдали премного.
 Царь Победитель, ужé упоенный Славой Деяній,
 Столькож почти Народ победительный свой разоряет,
 Сколько все Племена от-негó побежденыи другия.

Царь, не-имéяй к Миру в себе Дарованій потребных,
 Сладких не-мóжет подáть Плодов окончанныя брáни:
 Он-есть, как-кто́ свою защищаёт от-блiжняго Ниву,
 Ниву его себе отняв без всякаго Права,
 Толькож не-в-сiлах ея взорать, засеять, и-плóд снять.
 Кажется сей Человек рожден разрушать что-ни-вiдит,
 Опустошáть грома, и-всещéлый Мир испровергнуть,
 А не соделать счáстлив Народ Правительством
 мудрым.

Сеж миролюбный Царь. То правда, что-óн неспособен
 К Завоевáням, тоестъ, к общу людей Непокóйству,
 Коих ему отнюдь Справедливость не подчинила.
 Но когда в нем есть способность к правлению в Мире;
 То он может привести свой-Нарóд от-врагóв
 в безопасность.

Как же то? Он правдив, умерен, склóнен к соседям;
 Он ничего на их Спокойствiе не предпрiемлет;
 И хранит свои обязательства точно и-вérно.
 Он любiм-есть своими Союзники всеми сердечно,
 Тем что-им-стрáха нет, а-Надéжда на-Оного цела.
 Ежели некий есть Сосед беспокойный и-гóрдый;
 То окрестныи все Цари, сего опасаясь,
 А к любóмирну тому не-имея зависти в сердце,
 Соединяются с Добрым, да-óн утеснён-быть не-мóжет.
 Скромность его, егож бескорыстiе, добрая Верность,
 Делают, что Судiя он есть окрестным Державам.
 Царь предприимчивый, всем другим Царям ненавистен,
 И подвержен их-чáстым Скóпам, и-iх Заговорам;
 Мiрна Царя, как-Отцá, иль Опекуна́ величают
 Все Скиптродержцы себе, за-его подобныи свóйства.
 Си-то суть отвне ему преимущества многи:
 Коимиж внутрь наслаждается он, те твérдейши внешних.
 (оборонит. война допускается)

.....
 Я ощутил в Собранiи том находившихся многих,
 Мненiя сiи мои -не-могли́ быть любы которым,
 Часть понеже большáя Людей, прельщенна блистаньями,
 Тех и Славных Побед, и-вели́ких Завоевáний,
 Предпочитáет тому-их, что-Прóсто, Тихо и Твérдо,
 Как то Миру, и-виúтръ Расправе всегда Благостройной.

Но престарелыи Мужи те в слух всем объявили,
 Что мои Слова Минбевым точно согласны.¹

V, 150—158.

¹ Ensuite on proposa la seconde question en ces termes: Qui est le plus malheureux de tous les hommes? ... Mais on me demanda ma pensée, et je répondis, suivant les maximes de Mentor: Le plus malheureux de tous les hommes est un Roi qui croit être heureux en rendant les hommes misérables; il est doublement malheureux par son aveuglement; ne connoissant pas son malheur, il ne peut s'en guérir, il craint même de le connoître. La vérité ne peut percer la foule des flatteurs pour aller jusqu'à lui. Il est tyrannisé par ses passions; il ne connoit point ses devoirs; il n'a jamais goûté le plaisir de faire le bien, ni senti les charmes de la pure vertu: il est malheureux, et digne de l'être; son malheur augmente tous les jours, il court à sa perte, et les Dieux se préparent à le confondre par une punition éternelle. Toute l'assemblée avoua que j'avois vaincu le sage Lesbien, et les Vieillards déclarèrent que j'avois rencontré le vrai sens de Minos. — Pour la troisième question, on demanda lequel de deux est préférable: d'un côté, un Roi conquérant et invincible dans la guerre; de l'autre, un Roi sans expérience de la guerre mais propre à policer sagement les peuples dans la paix ... On voulut savoir mon sentiment. Je répondis ainsi: Un Roi qui ne sait gouverner que dans la paix ou dans la guerre, et qui n'est pas capable de conduire son peuple dans ces deux états, n'est qu'a demi Roi. Mais si vous comparez un Roi qui ne fait que la guerre, à un Roi sage, qui sans savoir la guerre est capable de la soutenir dans le besoin par ses Généraux, je le trouve préférable à l'autre. Un Roi entièrement tourné à la guerre, voudroit toujours la faire pour étendre sa domination et sa gloire propre, il ruineroit son peuple. A quoi sert-il à un peuple que son Roi subjugue d'autres Nations, si on est malheureux sous son règne? D'ailleurs, les longues guerres entraînent toujours après elles beaucoup de désordre; les victorieux même se dérèglent pendant ce tems de confusion. Voyez ce qu'il en coûte à la Grèce pour avoir triomphé de Troye; elle a été privée de ses Rois pendant plus de dix ans. Lorsque tout est en feu par la guerre, les Loix, l'Agriculture, les Arts languissent. Les meilleurs Princes même, pendant qu'ils ont une guerre à soutenir, sont contraints de faire le plus grand de maux, qui est de tolérer la licence, et de se servir des méchans. Combien y a-t-il de scélérats qu'on puniroit pendant la paix, et dont on a besoin de récompenser l'audace dans les désordres de la guerre? Jamais aucun peuple n'a eu un Roi conquérant, sans avoir beaucoup souffert de son ambition. Un Conquérant, enivre de sa gloire, ruine presque autant sa Nation victorieuse que les autres Nations vaincues. Un Prince qui n'a point les qualités nécessaires pour la paix, ne peut faire goûter à ses Sujets les fruits d'une guerre heureusement finie; il est comme un homme qui défendrait son champ contre son voisin, et qui usurperoit celui de son voisin même, mais qui ne sauroit ni labourer ni semer, pour recueillir aucune moisson: un tel homme semble né pour détruire, pour ravager, pour renverser le Monde, et non pour rendre le peuple heureux par un sage gouvernement. — Venons maintenant au Roi pacifique. Il est vrai qu'il n'est pas propre à de grandes conquêtes; c'est-à-dire, qu'il n'est pas né pour troubler le repos de son peuple, en voulant vaincre les autres Nations, que la justice ne lui a pas

В особенности Екатерине могла быть неприятна одна дворцовая история, которая приводила на память убийство Петра III ради похищения престола. Любовница Пигмалиона, Тирского тирана, Астарвея («нечестивая та Астарвея»)

В сердце своем, погубить Царя, вознамерилась твердо.

Страстно любила она единого Юношу Турска,

Очень богата и-красна, именем Иоазара.

Та хотела сего на-престол посадить воцаривши.¹

VIII, 223.

Оклеветав и устранив двух царских сыновей, Астарвея убила и Пигмалиона, когда тот захотел погубить Иоазара, чтобы воспользоваться богатством последнего. За обеденной трапезой Астарвея отравила Пигмалиона и полумертвого задушила своими руками.

Перстень потом сорвала с руки, с головыж Диадиму;

Да и-велела к себе туда быть Иоазару,

Коему Перстень на-перст, на-чело Диадиму взложила,

Мнила, что бывшии все с стороны ея не замедлят

Следовать страсти еяж, и-Царем проповедят Любимца.

Но наипаче хотевши той угождать в раболепстве,

Подлы имели сердца, корысть имели бездельну,

И неспособны огнюд к усердию искренню были . . .

сourmises: mais s'il est véritablement propre à gouverner en paix, il a toutes les qualités nécessaires pour mettre son peuple en sureté contre ses ennemis. Voici comment: il est juste, modéré et commode à l'égard de ses voisins; il n'entreprend jamais contre eux rien que puisse troubler la paix; il est fidèle dans ses alliances. Ses Alliés l'aiment, ne le craignent point, et ont une entière confiance en lui. S'il a quelque voisin inquiet, hautain et ambitieux, tous les autres Rois voisins qui craignent ce voisin inquiet, et qui n'ont aucune jalousie du Roi pacifique, se joignent à ce bon Roi pour l'empêcher d'être opprimé. Sa probité, sa bonne-foi, sa modération, le rendent l'arbitre de tous les Etats qui environnent le sien. Pendant que le Roi entreprenant est odieux à tous les autres, et sans cesse exposé à leurs ligues, celui-ci a la gloire d'être comme le père et le tuteur de tous les autres Rois. Voilà les avantages qu'il a au-dehors. Ceux dont il jouit au-dedans, sont encore plus solides. . . J'apperçus dans l'assemblée beaucoup de gens qui ne pouvoient goûter cet avis; car la plupart des hommes, éblouis par les choses éclatantes, comme les victoires et les conquêtes, les préfèrent à ce qui est simple, tranquile et solide, comme la paix et la bonne police des peuples. Mais tous les Vieillards déclarerent que j'avois parlé comme Minos.

¹ L'impie Astarbé . . . fut la première à résoudre la perte du Roi. Elle aime passionément un jeune Tyrien, fort riche, nommé Joazar; Elle espéra de le mettre sur le trône.

В том при-Дворе, и-в-Палáтах мятеж восстал превеликий,
 Слышится всюду крик: Царя не стало! Скончался!
 Те утрашились; другии хватают оружие спешно;
 Следствий боятся все: а-что-úмер Царь не-горюют...
 Только ниже́ одного не нашлбсь притом человека,
 Кбй-бы тужил по-Царе издохшем скоропостижно:
 Смерть его, спасение́ всем, и людям утеха.¹

VIII, 228.

Вернулся спасшийся сын Пигмалиона, Велсазар. Тиряне провозгласили его царем — Астарвею схватили; обмануть Велеазара ей не удалось; ее посадили в темницу, где она затем отравилась. И Екатерина страшилась возможной в будущем кары тем более, что русский XVIII век специализировался в дворцовых переворотях.

Как бы то ни было, вообще вокруг произведений В. К. Тредьяковского, особенно его Тилемахиды, сгустилась с XVIII еще века атмосфера порицаний, разрежаемая немногими выражениями сочувствия и признания. Порицания эти высказывались пренебрежительно, а сочувствие походило на снисходительное оправдание. Замечательно однако, что на защиту Тредьяковского выступали такие имена, как Новиков, Радищев, Дельвиг, Пушкин. В конце концов, Тредьяковский оправдан, как трудолюбец, словесник, как ученый теоретик, но осужден, как безвкусный в общем версификатор и совсем лишен права считаться поэтом.

Остановимся на некоторых суждениях о языке Тредьяковского. Самым суровым критиком в этом отношении был А. П. Сумароков, который между прочим писал: «Г. Тредьяковский в молодости своей, старался наше правописание испортити простонародным наречием...; а в старости глубокою и еще учиненною самим собою глубочайшею Славенщиною» (Полное собрание всех сочинений... Сумарокова, изд. Н. Новиковым,

¹ Ensuite elle arracha de son doigt l'Anneau Royal, lui ôta le Diadème, et fit entrer Ioazar à qui elle donne l'un et l'autre. Elle crut que tous ceux qui avoient été attachés à elle, ne manqueroient pas de suivre sa passion, et que son amant seroit proclamé Roi. Mais ceux, qui avoient été les plus empressés à lui plaire, étoient des esprits bas et mercenaires qui étoient incapables d'une sincère affection... Cependant tout le Palais est plein d'un tumulte affreux. On entend par-tout les cris de ceux qui disent, Le Roi est mort. Les uns sont effrayés, les autres courent aux armes. Tous paroissent en peine des suites, mais ravis de cette nouvelle... et il ne se trouve pas un seul homme qui regrette le Roi; Sa mort est la délivrance et la consolation de tout le peuple.

ч. X, М. 1782 г., стр. 14). Защищая Тилемахиду, Радищев говорит о Тредьяковском «что по нещастию его он писал (т. е. начал писать) Русским языком прежде, нежели Ломоносов впечатлел Россиянам примером своим вкус и разборчивость в выражении и в сочетании слов и речей, сам понесся путем непроложенным, где ему вождало остроумие; словом: прежде, нежели он показал истинное свойство языка Российского, нашед оное забыто в книгах церковных; потому Тредьяковскому и невозможно было переучивагься»... «Знав лучше язык Виргилиев, нежели свой, он думал, что и преношения в Российском языке можно делать такие, как в Латинском», говорит Радищев о новом стихосложении, введенном Тредьяковским по образцу Греков и Римлян. Приводя отдельные строки Тилемахиды, показавшиеся ему удачными, Радищев находит в них «благогласие», «изразительную гармонию», происходящую от употребления тех или иных звуков, которые даже воспроизводят, например, журчание ручья, веяние ветра, соответственно изображаемой картине. «Сладость» звуков он отмечает и «при дурном выборе слов». Отмечает однако и «какафонию» (sic) других стихов, и «галлицизмы» синтаксиса («Пристань и-вся земля у бегать созадí-нас казалась», начало II кн. Тилемахиды: *Le port et la terre sembloient fuir derrière nous*). Известно, что Радищев снабдил свое «Путешествие из Петербурга в Москву» эпиграфом из XVIII книги Тилемахиды, взяв строку, относящуюся к церберу: «Чудище, обло, озорно, огромно, стозевно, и лайй». Кажется до сих пор никто не заметил, что Радищев здесь остроумно поправил Тредьяковского, у которого этот стих читался так: «Чудище, обло, озорно, огромно, с тризевной и-Лаей» (576, *de ses trois gueules bêantes*). Здесь «и» — обычная у Тредьяковского подмена нехватающего для метра слога, вроде «анснайки» в старинном пении; «лая» же — существительное, означающее пасть. Радищев придал «и» значение союза, опустил «с» и благозвучное «стозевно» согласовал с «огромно», а из творит. падежа «лаей» сделал причастие. — И Пушкин обронил о Тредьяковском золотое слово, сказав между прочим: «Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В Тилемахиде находится много хороших стихов и счастливых оборотов». Замечательно суждение Евгения (еп. вологодского), высказанное им в письме к Д. И. Хвостову 1808 г.: «На вопрос вашего сиятельства

о старинной нашей тонической поэзии, вот что отвечаю: 1) отец ее есть г. Тредьяковскій, и его Телемахида (сколько модные писцы ей ни смеются) останется важным памятником сей поэзии и силы нашего языка в оной. Я часто с удовольствием многия места сей поэмы читаю и думаю, что когда наш язык от французщины обратится к своему началу, то Телемахида будет не столько смешить нас, как теперь. Если читать ее умеючи по скансии, то ухо чувствует отменную гармонию» (Библиографические записки, т. II, 1859 г., столб. 248 и 249).

Из приведенных суждений о Телемахиде, для нас важны те, которые определяют составные элементы языка и утверждают положительность достижений. Установленная Радищевым и особенно Пушкиным, положительность достижений Тредьяковского может быть определена, как пригодность для дальнейшей эпохи литературного языка. Эта пригодность иллюстрируется, как целыми стихами Телемахиды, так и отдельными выражениями, непротивными слуху даже текущих дней. Приведем примеры из первых восьми книг Телемахиды. Сначала полные стихи:

Мы расскажем тебе, что с-отцѣм твоим приключилось I, 5—
Nous vous apprendrons ce qui est arrivé à votre pere.

Тихо журча текли Ручьи по-Полям цветоносным I, 7—

Des fontaines, coulant avec un doux murmure sur des prés
semés d'amaranthes et de violettes.

Издали, гор и-холмовъ верхи пред взором мелькали I, 8—

On apercevoit de loin des collines et de montagnes, qui se
perdoient, dans les nues.

Тут Телемах дивился ее Красоте светозарной, I, 6—

il admiroit l'éclat de sa beauté.

И аромат свой льет душистее всех благовоний I, 7—

gerand le plus doux de tous les parfums.

Тотчас накрыли Стол, и-поставили Пищу простую I, 11—

servirent d'abord un repas simple.

Но наконец, от них отставали мы по-не-много I, 20—

Enfin nous demeurâmes un peu derrière.

Где священный огонь пламенел у нас пред-глазiami I, 23—

où le feu sacré étoit allumé.

Так возвратись же, он продолжал, ты лучше в Ифаку I, 16—

Retournez, continuoit-il, en Ithaque.

День светозарный померк, тьма стелется по Океану

Но при-сверкании молний мы увидели тамже . . . I, 18—

lueur des éclairs, nous aperçûmes.

Боги послали вас сюда на-спасéние наше I, 25 —

les Dieux vous on envoyés pour nous sauver.

Стук на-горáх раздался от-оружий его и-доспéхов I, 27 —

Le bruit de ses armes retentit jusqu'aux montagnes.

Горе! чему Цари бывают подвержены часто II, 40 —

Hélas! à quoi les Rois sont-ils exposés.

Так то я размышляя в моей тогдашней напасти II, 41 —

Voilà les réflexions que je faisais dans mon malheur.

O! когдаб уведать он-мог в землях удаленных II, 34 —

O! s'il pouvoit apprendre dans les terres éloignées.

Ментору я говорил: ах! времяль теперь рассуждать нам

II, 33 —

Je répondois à Mentor: Hélas! il n'est pas question de songer...

Словом, он не-искал отнюдь добросовестно Правды II, 40 —

Enfin, il ne cherchoit pas de bonne foi la vérité.

Все Пастухи возлюбили меня в той дикой Пустыне II, 44 —

Il me fis aimer de tous les bergers du désert.

Часто мне-би повторял, что должен я ободриться II, 47 —

Je me disoit souvent, que je devois prendre courage.

Дыбом поднял Лев свою косматую гриву II, 52 —

Le lion hérisse sa crinière.

Рыком меня оглушал раздававшимся в Рошах дубравных

II, 53 —

il pousoit des rugissement qui faisoient retentir toutes

les forêts.

Все присудили надеть мне кожу грозного Зверя II, 53 —

voulurent que je me revêtisse de la peau de ce terrible

animal.

Было приятно весьма его великому сердцу II, 53 —

touchoit son grand coeur.

Льстят Царю во всем, и во-всем Царю изменяют II, 54 —

On le flatte et on le trahit.

Пенисту воду Гребцы разсекали вéслами сильно; —

Les rameurs fendoient les ondes écumantes,

Море пространное то покрылось все Кораблями III, 63 —

la vaste mer étoit couverte de navires.

Я многократно их и сам себе повторяю III, 67 —

Je me le redis souvent à moi-même.

Часто со-мно́й о са́мых больш́их делах рассуждали; —

on m'entretenoit souvent des plus grandes affaires.

Уведомляли меня, что были намерены сделать III, 67 —
on m'instruisoit de ce qu'on avoit résolu . . .

Он их-ужé омочил в невинной крови Сихея III, 69 —

Il les a trempées, ces mains cruelles dans le sang de Sichée.

Все возмущает его, беспокоит, снѣдает и-мучит III, 70 —

Tout l'agite, l'inquiète, le ronge.

Все что-даёт, жалеет; всегда утраты боится III, 70 —

il regrette tout ce qu'il donne, et craint toujours de perdre . . .

В каждой железная дверь о-шести замках и-запорах III, 71 —
et dont chacune a une porte de fer avec six gros verroux.

Горы тот Крѣж закрывают, от-знойных полуденных ветров
III, 77 —

les montagnes mettent cette côte à l'abri des vents brûlants
du midi.

Вечный лед чело ея покрывает не-тая III, 77 —

une glace éternelle couvre son front.

О! несчастный Тур, в какие-ты рѹки достался III, 84 —

O! malheureuse Tur! en quelles mains as-tu tombée.

Но не-давали отплыть нам-еще противныи ветры III, 87 —

Mais les vents ne nous permettoient pas encore de nous

embarquer.

Я пойду искать Пришельда с острова Кипра III, 88 —

Je vais chercher cet étranger, qui est de l'isle de Cypre.

Мало помалу к Ттуру путь забывают пришельцы III, 84 —

Les étrangers oublient peu-à-peu le chemin de Tur.

Нечего здесь тебе и некого ныне бояться IV, 96 —

Vous n'avez rien à craindre ici.

Я наслаждался ужé тишиной и спокойствием полным IV,
103 —

Je goûtois une paix et une joie profonde.

Только и-слышал от-них я что-жалостны вопли рыдавших
IV, 108 —

Je n'entendois que des cris pitoyables.

Нѣбыл-уж крепок я, что б-протѣвиться злому Недугу IV.
113 —

je ne me sentois plus la force de résister au mal.

Я его лице омочил слез теплых реками IV, 116 —

J'arrosai son visage d'un torrent de larmes.

Брошусь к ногам ему, обниму колена руками,

И не-спущу́ я с мѣста его, пока не-позво́лит... IV, 119 —
 Je me jeterai à ses pieds, j'embrasserai ses genoux, je
 ne le laisserai point aller, qu'il ne m'ait accordé.

Те Мудрецы разогнули пред-нами Книги большіе V, 147 —
 Les sages ouvrirent les livres.

Я почувствовал стыд и-почтѣние благоговѣйно... —
 Je me sentis saisi de respect et de honte.

В стройном порядке сидели они на-мѣста́х неподвижны...
 V, 147 —

ils étoient assis avec ordre, et immobiles dans leurs places.
 Словом, поистинне Волен тот, кто, всякого страха

Чужд... V, 150 —
 en un mot, l'homme véritablement libre est celui qui dégagé
 de toute crainte...

Каждый день ему несчастій еще прибавляет V, 151 —
 son malheur augmente tous les jours.

И хранит свои обязательства точно и-вѣрно V, 155 —
 Il est fidèle dans ses alliances.

Чтож до-меня; то моё Отечество предпочитаю VI, 161 —
 Pour moi, je préfère ma patrie.

Обнял он-нас; а мы от слез не-могли удержаться VI, 174 —
 Il nous embrassa, et nous ne pûmes, en le remerciant,
 retenir nos larmes.

Всюду вода вбегает, Корабль погружается в Море
 VI, 175 —

L'eau entre de tous côtés, le navire s'enfonce.

В том утешение мне, что-с-тобою я умираю VI, 176 —
 C'est une consolation pour moi de mourir avec vous.

Плачет по-жизни своей, спасти ея не-стараясь VI, 176 —
 Regrette la vie sans chercher les moyens de la conserver.

А благодарность в наших сердцах по гроб не-помёркнет
 VI, 179 —

Он опускается весь, засыхает, маковку клонит VII, 191 —
 elle languit, elle se dessèche et sa belle tête se penche.

Нет, нет; чтоб никогда Отечества ты не-увидел VII, 194 —
 Non, non, que jamais tu ne revoies ta patrie.

Слёзы, как-прежде, уже не-текли обильным потоком
 VII, 195 —

Ses larmes ne coulaient plus comme autrefois avec
 abondance.

Смеешь ты говорить, что-Любóвь тобой не-владéет

VII, 209—

Vous osez dire que vous n'êtes point vaincu par l'Amour.

Но Слепоты в тебе не-могú не-оплáкивать горько

VII, 210—

mais je déplore votre aveuglement.

Больше советов твоих не-хочú я пагубных слушать

VII, 213—

Je ne veux plus écouter tes pernícieux conseils.

Все рассказал о-своём путешествии в Критскую Землю

VIII, 238—

Télémaque lui fit à son tour l'histoire de leur voyage en

Grète.

Гóры покрыты везде Стадáми дающими Волну VIII, 245—

Les montagnes sont couvertes de troupeaux qui fournissent

des laines.

Мало в той Земле Художников разных увидишь VIII, 246—

On voit en ce pays peu d'artisans.

Также хлебы пекут оне и пíщу готовят VIII, 246—

elles font le pain, appréntent à manger.

Присоединим сюда еще несколько стихов, заключительная фраза которых правилась Дельвигу и Пушкину:

Многажды Та на бреге морскóм, стояла недвижно,

Кой орошала, как-дóждь проливая, своими слезами,

И непрестанно смотря туда, где Корáбль Одиссéев,

Бег ом вóлны делá, из-очéй ушел, и-сокрылся з.

Souvent elle demeuroid immobile sur le rivage de la mer

qu'elle arrosoit de ses larmes, et elle étoit sans cesse tournée

vers le côté où le vaisseau d'Ulysse, fendant les ondes, avoit

disparu à ses yeux.

Вот примеры удачных выражений Тилемахиды, заслуживающих тем большего внимания, что Тредьяковский, расчленив прозу Фенелона на части, соответственные стихам, не опустил ни одной французской фразы и даже части фраз стремился передать полно и точно. Я мог выбрать немного безупречных полных стихов (приблизительно, 70 из 5000, на 260 страницах, т. е. около $\frac{1}{2}\%$), но выбор этот сделал очень осторожно, именно по сохранившейся жизненности языка. За ничтожными исключениями, мною отстранены все стихи, содержащие в себе: слова, вообще неупотребительные теперь, неповторенные в стихах

XIX в., слова с необычным теперь ударением, своевольную постановку слов, превышающую синтаксические вольности стихов XIX в., славянизмы лексики, морфологии и синтаксиса, которые неприняты, как обычные, в XIX в. При наличии перечисленных «недостатков», даже несомненная поэтичность некоторых стихов не спасала их от нашего отстранения, чего нельзя сказать о цитациях Дельвига и Радищева. Выбранные нами стихи не уступают речевому употреблению Одиссеи Жуковского. Полагаю даже, что Тилемахида не осталась без влияния на гекзаметры последнего. По крайней мере, Тилемахиду и Одиссею Жуковского (но не Илиаду Гнедича) сближает как «благогласие» избранных нами у Тредьяковского строк, так и ораторски прекрасные изменения тона, одинаково свойственные пафосу монологов и диалогов Одиссеи и Тилемахиды (напр., стенания Египтян по Сесострии, стр. 55—57, беседа Наарвала с Тилемахом 65—69, 89—79 и др.). Возможно, что Тредьяковский переводил так не без влияния греческого текста Одиссеи. В конце своего собственного вступления к Тилемахиде (2) Тредьяковский так обращается к Музе:

... утверди парить за-Омиром;

Слог Одиссеи веди Стопѳй в Фенелонове слоге:

Я не-сравниться хошу прославленным толь Стихопѳвцам:

Слуху Россійскому тень подобія токмо представлю,

Да громогласных в Нас изощрю достигать Совершенства.

Подмеченное Пушкиным чувство изящного и наблюдательность ученого литературоведа заставили Тредьяковского не только выбрать для Фенелонова эпоса стихотворный размер Одиссеи, но и придерживаться вообще характерных особенностей античной эпической речи. Так, например, Тредьяковский часто употребляет сложные эпитеты, несвойственные собственно французскому языку и не встречающиеся у Фенелона. Говорю не о тех сложных эпитетах, которые были обычны в славянской книжности (например, сложные прилагательные, начинавшиеся с «благо-», «велико-», «мало-») и которые не являлись чуждыми Тредьяковскому, как поповичу и ученику духовной школы, а о таких эпитетах, которые были сложены им в античном стиле. В них уже ясно чувствуется предвестие гекзаметров Жуковского. Например: стрела быстролетна [le dard] 61, темносиним... цветом [d'un sombre azur] 64, иглолистные ветви [кедров — branches épaisses]

77, печали мрачнотуманны [Les poirs soucis] 71, дожденосные тучи и грозы [Les nuages] 127. Но анализ этой части лексики Тилемахиды очень затруднителен. Дело в том, что сложные античные эпитеты, не исключая ставших общеупотребительными у нас, проникали к славянам вообще, как по непосредственному знакомству с античными подлинниками, так и путем переводов, восходящих частью к глубокой древности. Многие сложные античные эпитеты были использованы византийскими книжниками, и даже довизантийскими, в переводах церковных, например, книг, или в самостоятельных произведениях. Затем, эти греческие по языку сложные слова передавались по-славянски переводчиками церковных, скажем, книг и использовались славянами в самостоятельных произведениях. Далее все это поступало в русское употребление. Трудно, следовательно, решить, каким путем дошел до нас тот или другой сложный эпитет античного склада. Особенно это трудно решить для такой поздней поры, как XVIII век, в частности — для такого начитанного литератора и полиглота, как Тредьяковский. Не имея сил в какой-либо мере решить этот вопрос самостоятельно, мы позволили себе обратиться к помощи знатока античной лексики А. И. Малеина, предложив ему свыше сотни сложных эпитетов Тилемахиды для подсказания им параллелей в античной литературе. Составленный им словарик помещаем в конце настоящей статьи. В этот словарик попало несколько сложных слов, определенных не как античные, а как более поздние, напр., идущие из книг Ветхого и Нового заветов, или из памятников византийской эпохи, церковных (Златоуст) и светских (летопись К. Манассии). Если бы все сложные слова Тилемахиды мы проверили еще хотя бы по Материалам для словаря древнерусского языка Срезневского, в котором показаны и греческие соответствия, мы могли бы точнее установить, какие из этих слов, греческих по происхождению, встречались в переводных славянских памятниках, откуда и могли быть известны Тредьяковскому. Но такой работы мы пока не имели времени произвести и откладываем ее на будущее время.¹

¹ Стремление Тредьяковского к пышным и воистину сложным эпитетам приводит на память отрывок из пародии на Державина, сообщенный С. Т. Аксаковым в статье «Детские годы Багрова-внука»:

.....
 Перлово-сизых облаков.
 Иль дав толчок в Кавказ ногами

Уже из приведенных, как удачные, 70-ти полных стихов Тилемахиды видно, что элементы ее фразеологии встречаются и в позднейшей нашей речи, разговорной и литературной, прозаичной и поэтической. Дополним это цитацией отдельных таких «прижившихся» выражений, указывая частью на их источник или назначение.

Народные: не могла... насмотреться... не сводила очей 5, ne pouvoit rassasier ses yeux.

Ни слова ж не смели промолвить 3, n'osoient lui parler.

не могий ни слова промолвить 116, sans pouvoir parler.

не смела... ни слова промолвить 206, 211, elle n'osoit plus parler.

Слова (отнюд) у-меня не вырвалось токмо едина 68, je n'ai osé vous parler, jamais il ne m'est échappé une seule parole.

Ясны очи ее напоены были слезами 174, Ses beaux yeux étoient baignés de larmes.

Сам на себя не надейся 11, Défiez-vous de vous-même.

Я и подумать не мог 41, et je ne pouvois pas même dire un mot.

Горькие слезы точил из глаз проливал струями 114, Je versois des larmes ameres.

(Через продолжение месяцев многих) из Круглого лета 124, pendant plusieurs mois de l'année.

круглый весь год 245, toute l'année.

Десять целых лет 4, dix ans.

Целый дни провождали мы 51, Nous passions les jours entiers.

Здесь на сынучий песок моего приморского берега 194, sur le sable de ce rivage.

Часто Самá одна по-Лугám ходила 3, Elle se promenoit souvent seule sur les gazons.

в темный лес углубился я 45, je m'enfonçai dans une sombre forêt.

как частый Лес 58, дремучий Лес 77, une vaste forêt.

И вихро-бурными крылами
 Рассекши воздух, прилети;
 Хвостом серебро-злато-махровым
 Иль радужно-гнедо-багровым
 Следы пурпурны замети.

густый лес Щегл корабельных 78, une forêt de mâts de navires.

Он по-зарям... играл на-Свирэли 48, Il jouoit de la flûte.

И не знал ужé куда мой Ментор девался 40, Je ne sus point ce qu'étoit devenu Mentor.

(Был ужé готов совсем тот строй Мореходный;)

Только и-нам осталось сесть, да в Море пуститься, 54, La flotte étoit déjà prête: nous ne songions qu'à nous embarquer.

У тех отнимет охоту (и бодрость) 83, il les découragera.

гребцы... за Вёслами спали 107, Les rameurs... s'endormoient sur leurs rames.

Также никто не знал и сам, за что бы приняться 108, Personne ne conservoit assez de présence d'esprit, ni pour ordonner les manoeuvres, ni pour les faire.

К народным, но олитературенным выражениям отношу:

Но Тилемах потупив свои (очи), вселюбезнож краснеясь,

Нáчал еще так сказывать повесть... 102,

Télémaque baissant les yeux, et rougissant avec beaucoup de grace, reprit ainsi la suite de son histoire.

А Евхариса краснея и в землю потупивши очи, Стала всех позади 203,

Eucharis rougissant, et baissant les yeux, demeurait derrière.

Идоменей сию речь слушал очи потупив 138,

Idoménée écoutoit ce discours la tête baissée.

Бегала в Лесе Калипса пути не смотря ни-дороги 203,

(Calypso...) courroit au travers de la forêt sans suivre aucun chemin.

Видно, что Тредьяковский пользовался и устной поэзией.

Выражения интеллигентского прозаического обихода (частью происходящие из ославленной книжности):

Изволь же досказывать повесть 17, Continuez;

всех приходящих с докладом 74, tout le monde;

к себе нас призвали на помощь 69, de nous appeler à leur secours;

воспрепятствовать бегству их уж не-были в силах 216, ne pouvant plus empêcher leur fuite;

от самого зависело жить 13, il n'a tenu qu'à lui d'y vivre;

отнюд не-могу не верить 65, je ne saurois en douter;

А притом не забыть, прошу вас, Аристодема 173, souvenez-vous d'Aristodeme;

Будет сердечно тебе благодарен 23, sera touché;

Он приказы свои сам отдавал спокойно 18, il donnoit tranquillement tous les ordres;

последовать мудрым советам 18, suivre vos conseils;

был выслушан им благосклонно 53, il m'écouta avec plaisir;

Мы напрягли все силы свои 20, nous fimes les derniers efforts;

А потом Председатель нам предложил три-задачи,

Кои решить по Миноевым правилам все надлежало 149,

Ensuite celui qui présidoit, proposa trois questions, qui devoient être décidées par les maximes de Minos;

Следуя правилам тем 151, suivant les maximes;

(Он отринул) все преимущества 13, lui fit rejeter ces avantages;

ни под каковым отнюд благовидным предлогом 65, sous aucun prétexte;

(отдыхал-он)... в дельной беседе 37, (il se délassoit)... à converser;

употребить... во зло 68, Je n'en ai abusé,

Я ощущаю 217, j'éprouve;

поверяли... мне свое недовольство 67, ils me confioient... toutes les peines qu'ils ressentoient;

О вещах..., мне кои поверить изволишь 65, sur les choses que vous voudrez me confier;

(горы, Кои) с трудом еще от облак и волн (мы) отличали 128, (les montagnes de Crète) que nous avions encore assez de peine à distinguer de nuées du ciel et des flots de la mer;

Словом, всё что я-видал там у слабого Пóла 110, en un mot, tout ce que voyois dans ces femmes; ср. приведенное в целых стихах, 150;

состоит... точно В том 210, consiste;

Божеский оный ответ, в подтверждение здесь приведенный 160, L'oracle qu'on vient de rapporter;

(та Старуха, Пособщица ей) помянутая мною 226, cette vieille, dont j'ai parlé;

мне сказана сущая-ль правда 169, si ce récit est véritable;

Тщательно в ней наблюдал 102, observoit;

Члены его... леденеют 113, ses membres... s'engourdissent;

силою разума 141, pour l'esprit;
 возвещал погрешности не обвинясь 62, racontoit ingenu-
 ment les fautes;
 простительны... не-большие погрешности 99, il est par-
 donnable d'en manquer;
 смóтря по-их достоинству 171, selon leur mérite;
 ни мало не медля 159, aussitôt, ни медля ни мало 186,
 aussitôt;
 не взирая на то 129, quoique;
 без-изъятія 75, sans exception;
 Труд непомерный 68, bien de la peine;
 Он представлял, с одной стороны, ... А со другою 16, il me
 représentoit d'un côté... de l'autre, (ср. А с другія
 страны... 75, D'ailleurs);
 жизни... простой... воздержной 130—131, жизнь... воз-
 держну и просту 171, vie simple, frugale;
 не зная еще совершенно 162, ne sachant;
 спросил я вторично 168, j'ai demandé;
 покорить нас вторично 69, pour nous subjuguier encore une
 fois;
 Великим будешь постóлку, Ты поскольку... быть станешь
 умерен 43, tu ne feras grand, qu'autant que tu feras modéré.

Поэтические достижения:

стремлений юности резвы 44, l'impétuosité de ma jeunesse;
 резвая юность 49, la jeunesse folâtre;
 ветрена юность 18, l'ardeur d'une jeunesse imprudente;
 вперили... взоры 164, on s'appliqua à le regarder;
 упоенный славой 154, enivré de sa gloire;
 мраком сомнений 15, en suspens;
 жар любви возбудить 183,
 Повесть Несчастий моих... долга 15, Le récit de mes mal-
 heurs... feroit... long.
 В «парах» слов (ср. Пушкина и Гоголя: «дикий и суровый»):
 «цвет в лице свеж и румян, пронидательны очи 45, son
 teint étoit encore frais et vermeil, ses yeux vifs et perçants;
 Я им когда подавал наставления внятно и просто 51,
 pendant que je leur donnois des leçons;
 богатством и вла́стью 73, par ses richesses et par son
 autorité;

Не боясьб отнюд никогда ни-Кинжала ни Яда 73,
 il ne craindroit ni fer, ni le poison;
 жители все прилежат к Купечеству телом и-духом 78,
 Tous les citoyens s'appliquent au commerce;
 Должно ея воспрять без страха, бодро и-смело 176,
 il faut la recevoir avec courage;
 Боги токмо спасли-нас от-бед и-напастей тольких 176,
 Les dieux ne nous ont délivrés de tant de périls;
 Крепость и-силу 18, une force;
 бодрость и-крепость 176, courage;
 стена и-рыдая 216, rempli de ses hurlements;
 И Тилемах отвецал дивясь и радуясь много 221,
 Télémaque lui répondit avec un étonnement mêlé de joie.

Среди приобретений для интеллигентской литературной речи сказывается зависимость от западноевропейского синтаксиса и лексики — в замечаниях о ведущих диалог:

Кто же твой ищемый есть отец, предпріяла Богиня 4,
 Quel est donc votre père que vous cherchez, reprit la Déesse;
 Нет, нет: Та предпріяла, мне-знать их хочется в сей час 15, Non, non, répondit-elle, il me tarde de les savoir;
 А Тилемах, предпріяв речь-и-пáки, так начинает 17,
 Télémaque reprit ainsi;
 Я, наконец, предпріял речь-опять, и-немедленно каждый заторопился молчать 162,
 Enfin, je repris la parole, et chacun hâta de se taire;
 Так-то, е ще ж тот, о Тилемах, ты царствовать должен 32;
 Тут Калипса речь Тилемаху пребила вещая:
 Чтож ты зделал тогда... Ей Тилемах: всегда моя возрастала несчастность 41,
 En cet endroit Calypso interrompit Télémaque, disant: Et bien! que faites vous alors... Télémaque répondit: Mon malheur croissoit toujours;
 Я Наарвалу на-то: попусти Несчастну погибнуть 88,
 Je répondis à Narbal: Laissez régir un malheureux;
 Ты из-какіяж земли, предпріял Наарвал вопроша я ж?
 Я в ответ ему ж: Тилемах есмь, сын Одиссеев 64, De quel pays êtes-vous donc, reprit alors Narbal? je lui parlai ainsi: je suis Télémaque, fils d'Ulysse.

Не опасайся, ему я, молчать чтоб трудно-мне было 65,
 Ne craignez point, lui dis-je, que j'aie aucune peine à me
 taire;

Как ты-возмо́г, мне о н, привыкнуть к Тайне толь юный 66,

Comment avez-vous pu, me dit-il, vous accoutumer du secret
 dans une si grande jeunesse;

Нет, сам Ментор е ще, надлежало-те сказывать оной 99,
 Non, reprit Mentor, il falloit les lui raconter;

Что ж мне делать, ему Тилемах, но гласом сми-
 ренным?

Поздно-уж, Ментор сие, скрывать приключений оста-
 ток 100,

Mais que ferai je donc, continua Télémaque d'un ton modéré
 et docile? Il n'est plus temps, repartit Mentor, de lui cacher
 ce qui reste de vos aventures;

Но без-отвѣта мои на-вопросы: Бегі, мне-сказал,
 он Голосом страшным... 116, Mais sans répondre
 à mes questions: Fuyez, me dit-il d'un ton terrible;

Но ничего в ответ Отец, быв в острой болезни 137,
 Le père accablé de douleur ne répondit rien.

Приведенные цитации характеризуют Тилемахиду со стороны приобретений для литературного языка даже по-Карамзинского периода. Но в ней есть также особенности, большинство которых не удержалось после Карамзина, хотя они и оставались свойственными позднему XVIII веку, в лице таких мастеров слова, как Державин. Перечислим эти особенности в плане и объеме, данном для од Державина у Грота.¹

«В состав языка Державина, — пишет Грот, — входят три главные элемента: церковно-славянский, русский общеупотребитель-

¹ У нас нет еще систематических словарей для языка каждого из русских писателей XVIII в., исключая Фонвизина. Работы Грота и Истомина дают лишь описательную картину языка некоторых писателей и довольно случайный подбор их выражений. В виду этого трудно представить, что сделал Тредьяковский для литературного языка сверх того, что было уже сделано его предшественниками и в чем точно заключается отличие стихотворной речи Тредьяковского от речи современных ему версификаторов. Пользуясь наиболее совершенной характеристикой поэтического языка XVIII в., именно характеристикой языка Державина, составленной Я. К. Гротом, мы можем только констатировать, что некоторые элементы Тилемахиды встречаются и у Державина.

ный (разговорный) и русский простонародный, из которых у него каждый находит себе выражение не только в самых словах, но также в формах их и в синтаксическом строе предложений. Но выделить слова каждого элемента в особую группу чрезвычайно трудно, потому что часто церковно-славянское слово является у Державина в народной форме и, наоборот, народное облечено в форму церковно-славянскую.

Совершенно то же можно сказать и о языке Тилемахиды, только следует принять во внимание, что соотношение помянутых элементов в Тилемахиде несколько иное, чем у Державина. Так, например, Тредьяковский не в интересах поэзии, а по «ученым» соображениям вводил особо экзотические архаизмы в стих, давая в примечаниях просторечные им соответствия: «пыщ» — «дутик», «превратен» — «вертушка», «углебаешь» — «вязнешь», «тазаний» — «окриков», «негли» — «вослибо» или «может статься, что», «вляясь» — «волнуясь», «поне» — «хотя уже», «леть» — «достойно» или «позволено», «рубь» — «парчи», «тектонов» — «плотников», «уметы» — «сор навозный, помет», «мнее» — «меньше», «устрабление» — «выздоровление», «отдоен» — «откормлен» и т. д.

Примеры церковно-славянских, старорусских и других совпадений у Державина и Тредьяковского:

Предупреждать народа бедства (Держ.): Рышу по бедствам таким-же 5, лишаются бодрости в бедствах.

вдохни, вдохни ей также страсти (Держ.): крепость вдохнула в него 212, Тверду вдохну я мысль в них всех сжечь оное судно 213.

ея паденье раздалося внутрь сердца зависти (Держ.): внутрь он сердца не привержен (Держ.): и не могла ничем своего внутрь сердца утешить 2.

милее вольности нет в свете для людей (Держ.): Суля вы вольность взяли дани (Держ.): мы возвратили нашу себе свободу и вольность 68, на оборону своей отъемлемой вольности 253.

в рюща светла коноба (Держ.): многопенисто врея (кия) 7.

Никто им путь не воспящает (Держ.): Он воспящается, страхом и ужасом зельным объятый 137.

Что было то не придет вспать (Держ.): возвращались вспать (Держ.): вспать возвращались 8, отослать вспать Кипрское войско 75.

всех действий причина (Держ.): как-же дерзает он величаться, что многие действия Дивные столь произвел.

оному державцу Этны (Держ.): Бюдеж сличить царя вольнолюбиа с мудрым державцем 153.

Доверенность! ты стоиши правленья (Держ.): Рад я был, что в сию доверенность ими допущен 67.

кровь по должности пролить (Держ.): Всяк помнит должность, честь и веру (Держ.): да его недопустит Выступить из своего родителю должности всяко 230.

Стеребили кожу львину (Держ.): Все присудили надеть мне кожу грозного зверя 53, А на те (ложа) постлали с зверей две кожи большие 98.

Иль ад скрежешет зевом к ним (Держ.), (лев) рыкая зевом (Держ.), У гладна льва он зев сжимая (Держ.): (лев) Зев отворяет сухой 53.

Пожар тушить стараться зельный (Держ.); скорби зельны (Держ.): в ярости зельной 48, исполнь огорчения зельна 146.

Я слышу вдалеке там резкий трубный зык (Держ.): звон же их зыком своим повторяли их окрестны 32, Некак подобен был мореливны бушуйности зыку 161.

надежда и избава (Держ.): свету избаву подать поспешит от страшилища мерзка 72.

Никая тварь не убегает (Держ.): И спасти не могла живота нам жалость никая 23, Времяж никое загладит память в вечности вашу 161.

Идет огнистая заря (Держ.), Огнистый солнца конь (Держ.): кажутся и глаза у него кровавы огнисто 53, огнисты Перуны 242.

Оскаблясь, Пифагор дивится (Держ.): Зря их, ослабилась та (улыбнулась) 101, Старшии мужи воззрели на друга друг, оскабляясь 150.

Ишвенны на одеждах рясны (Держ.): Тут Тилемах дивился... Ряси багрецу (ризы, пурпур) 6, Рясны в одеждах (долгополые и широкополые складки) 109.

Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным (Держ.): Та раздука была мне вместо перуна удара 40.

Ты дождь с превыспренних стремишь (Держ.): ср. Превыспренных... благость 10, О! Превыспренни, весте вы 115.

Приятностью и она и радостью блистала (Держ.): приятности придали новы 196, Вся умильность ее и приятности все помрачились 235.

Почувствовать добра приятство (Держ.): был уловлен приятством его и егож красотою 187.

не уметь про дерзостями льстить (Держ.): за продерзость свою 13.

Как реки, рыцарей соборы Люются в знаменитый сонм (Держ.): на собор приходит богов всех 48, Весь собор признал побеждена мною Лесвийца 151.

Возникает вопрос, не пользовался ли Тредьяковский для обогащения своего переводного словаря еще каким-либо новославянским материалом, который, впрочем, мог существовать в русской речи и до него. Имею в виду влияние на литературный язык украинцев и белоруссов, представителей и передатчиков польской культуры, в том числе и языка, на русской территории. В XVII—XVIII вв. здесь было много педагогов, ораторов и писателей, наводнивших язык своими диалектизмами. Именно польскую стихию можно усмотреть и в переводной речи Тредьяковского. Прилагаем примерный перечень слов Тилемахиды, которые могут быть отнесены к польской речи. Часть этих слов несомненно польские по происхождению, часть говорят о польском влиянии своими суффиксами, ударениями, флексией и орфографией. Некоторые из этих польских слов встречаются не только у Тредьяковского, есть они и у Державина, у Радищева и даже позднее.

Бич, 394 [bicz].

блющ, 653, 774, 800 [bluszcz — плющ]; блющевым, 526 [bluszczowy].

бодец, 383 [bodziec].

боль, masc., 114, 138, 195, 782 [ból — боль, болезнь, скорбь — masc.].

бунты, бунтам, бунтовать, 420, 421, 422 [bunt, buntować].

Вага плодов, 8 [waga — вес, тяжесть].

великость, 56, 62, 180, 286, 347, 506 [wielkość].

вольность, 68, 69, 132, 156, 164, 190, 251, 253, 312, 323, 326, 327, 341, 368, 369, 421, 608, 633, 672, 687, 689, 724, 764, 787, [wolność — свобода].

враз, 214, 329, 330, 729, 738 [wraz — вдруг, вместе].

един быть всяко не может, 391, всяко терпеть не могла, 184, 230 [wszako — ведь, конечно, однако].

- выгода, 36, 82, 83, 413, 735 [wygoda].
 выгодно, выгодным, 82, 376, 580; выгоднейша 82 [wygodny].
 выпредить, 145 [wypzredzić — опередить].
 высосать кровь, 57 [wysysać].
 Гнездится ночь, 96 [gniezdzić się — гнездиться, вселяться].
 [в] горне, 9 [horno].
 грудка, 262 [grudka].
 Далекость, 696 [dalekość — отдаленность].
 дельны, дельных, 329, 663 [dzielny].
 державец, 153, 163, ср. скиптрдержавца, асс., 16 [dzierżawca].
 дегинство, 86, 512, 769 [dzieciństwo — детство].
 доброта, 65, 75, 172, 229, 360, 402, 424, 538, 572, 667, 749
 [dobrota?].
 доверность, 660, 743, [dowierność]; ср. недоверность, 321, 322,
 325, 392, 400, 541, 731.
 доводу, доводы, 570 [dowód].
 должность, 151, 230, 353, 443, 740 [dłużność — обязанность, обя-
 зательство].
 дробностьми, 703 [drobność].
 дуплясты, 528 [dziuplasty].
 Елейком, 524 [ср. olejek].
 еленяток, ген. pl. 128, еленятко, 491 [jeleniątko — молодой олень].
 Жбан, 108 [dzban], ср. чванцы 11.
 жизностей, 335 [ср. żyźność].
 Завой (архитектура), 111 [zawój — повязка].
 западаг: солнце когда западает, 650 [zapadać, zapada słońce].
 заручил, т. е. обручил, 731 [ср. zaręczył].
 заслеплены, 616 [zaślepiąć, zaślepić].
 застарелы, застарелых, 463, 528 [zastarzały].
 збойливым смехом, 213; улыбку збойливу, 275 [ср. zbój — разбой-
 ник; zbojecki — разбойничий].
 завсе, 750, 756, 769 [zawsze].
 [не]здолеемы, 639 [zdolać].
 зеленистый, 7, 49, 129, 585, 664, 668 [ср. zielisty — травянистый,
 злачный].
 знак: в знак согласия, 332 [na znak przyjaźni].
 зимна [Тартара], 568 (zimny).
 Имею: всем внушить... имею, 349; я болей быть не имею, 506;
 имеешь быть надежден, 757; разлучиться имею 741 [mam —
 должен, буду].

исплошить, 21, 26, 552, 615 [płoszyć, spłoszyć—испугать, всполошить].

Казнь (в мою нет входа без казни державу), 4; под казнию смерти, 87; пребывают без казни, 131 [kaziń—наказание, кара, казнь]. крушца (примеч. — «металл»), 126; крушцем, 259; крушец (то же примеч.), 579 [kruszec — руда, штуф, минерал].

крыластого змия, 638 [skrzydlasty].

кухарьми, 225 [kucharz].

Лакомы, лакомство, 384, 682, 768 [łakomy, łakomstwo].

любости, 109 [lubość — прелесть].

людскость, 56, 218, 249, 394, 564, 641, 657, 679, 761, 762, 776 [ludzkość — человечность].

Масть, 378, 456, 467, 609, 748, 782 [maść — мазь].

матка, 664 [matka].

мерзась, 110; мерзился, 112, 411; мерзятся, 723 [mierzić sobie со — получать отвращение к чему].

мерность, 60, 133, 169, 231, 232, 325, 337, 378, 388, 410, 540, 841 [mierność — умеренность].

мерный, 130, 163, 250, 286, 370 [mierny — умеренный].

младенство, 104, 119, 185, 365, 367, 450, 496, 543 [młodzieństwo — юность].

младолетный, 187, 555 [młoletni], ср. младолетство, 188.

мнее, мнейше, мнейши, мнейшаго, мнейших, мнейшую, 324, 326, 391, 420, 495, 514, 520 [mniej, mniejszy].

молитель, 675 [modliciel].

мъзгом т. е. лаской, 145 [mizg, umizg].

Набóжность, 569 [nabożność].

наглый: наглыми ветры, 15 [ср. nagła burza]; любовью наглою, 90; в наглом падении, 216; наглый... крик, 471; наглomu... впечатлению, 596 [nagły — внезапный].

напольный, 49, 156, 445 [parolny]; ср. напольность, 690.

небытность, 401, 612; в их небытность, 86; в небытность мою, 416 [niebytność, przyjechał w czasie mojej niebytności].

незаводен, 53 [niezawodny — неременный, верный].

неможно, 4, 22, 58, 88, 111, 117, 192, 198, 331, 332, 359, 462, 476, 569, 732, 737, 761 [nie można — нельзя].

неприязна, неприязным, 320, 362 [nieprzyjazny].

несмертельный: богам несмертельным [nieśmiertelny — бес- смертный].

Обраты, п. pl., 60, 164, 474, 489, 516, 651 [ср. obróty].

- обратность, 3, 275, 298, 318, 340 [ср. obrotność].
 огнистый, 53, 242, 274 [ognisty — огненный, пламенный].
 однак — при «однако» 404, «однакож» 411: 67, 344, 375, 402, 408, 436, 467, 533, 540, 615, 715 [ср. jednak].
 оздоб: поставили пищу простую, Но презрядную вкусом ту, и-оздобб чистотою, 11 [ozdoba — украшение, ozdoby — красивый, изящный].
 оказаніем, 743 [okazanie].
 оказует, оказуюгся, оказуя, 356, 430, 446 [okazo(y)wać, okazać].
 [в] оплакани, 42 [opłakanie — оплакивание, сожаление].
 особа, 54, 85, 371, 553, 755 [osoba].
 огрочаток, 524, [otrączętko].
 отчизна, 64, 94, 106, 208, 275, 369, 473, 474, 479, 480, 737, 741, 743, 768 [ojczyzna].
 ошадный (ошадны, примеч. — «скуповаты»), 81 [oszczędny].
 ошадство, 57, 81 (ошадство, примеч. — «скупогы, бережливость»), 699; благоошадность, 297 [oszczędność].
 Пагорки, 129 [pagórek].
 пащеки, 651 [paszcęka — челюсть].
 перун, перуны, перуным, 40, 204, 242, 282, 380, 509, 652, 746 [piogun, piogunowy, piogunujący].
 пламенист, 7, 266 [płomienisty].
 плащ, 9, 371, [płaszcz].
 плодный, 29, 347, 557, 672, 689, 732 [płodny — плодородный].
 побожный: обрядам Закона побожным, 34 [pobożny — благочестивый].
 повереній, 351 [powierzenie, powieszanie się]; поверился, [powieżyć się].
 поверность, 92 [powiernik — поверенный, любимец]; ср. поверенность, 400, 736, 743.
 подданны (люди), 457 [poddanny].
 подзор, 70, 73, 397, 494, 759 [podzór — подозрение]; ср. подзорец, подзорный, 70, 233, 322, 400, 430.
 подручным, 348 [podręczny].
 помощное войско, 342, помощных советников 359 [pomocny].
 попускать, 16, 119, 212, 220; попускались, 106 [ср. poruszczać].
 попустить, 14, 17, 88, 123, 184, 209; попустившийся, 14; попустишь, 96; попустишья, 190 [ср. poruszyć?].
 [в] попушени, 374 [ср. poruszczenie].
 порывчивость, 345 [ср. poręczność].

- похлебцы, 564 [pochlebca — льстец].
- пресличный, 90, преслично, 112 [prześliczny — прелестный, прекрасный].
- преступства, 599, 646 [przestępstwo].
- пречный, пречно, 8, 574; пречну 40, 327; пречен, 498; пречны, 506 [przeczny — противоречивый, противный].
- пречность, 577 [przeczność — противоречие, противоположность].
- привыклость, 360 [ср. przywykłość — навык].
- придал, т. е. прибавил, 439 [przydać].
- приложил, т. е. прибавил, 701 [ср. przyłożyć].
- противность, 344, 414, 460, 721, 735 [przeciwność].
- Роздолы, 380 [rozdoły — овраг].
- румянность, 191, 267, 782 [rumianość].
- рыхлый: в рыхлом суднишке, 80 [rychły — проворный, прыткий].
- Сверч... свёрчу, 687 [świercz, swierszcz — сверчок].
- силит, 779 [silić].
- скрынки Пандоры, 116 [scrzynka — ларчик, ящик].
- следства 360, 725 [śledztwo].
- сличный, 7, 103; слично, 36, 126, 707 [sliczny — прекрасный, красивый].
- слоту, 429 [słota].
- служебницы, 3 [służebnica].
- смольный, 471, 576, 651 [smolny — смолистый].
- смятность, 25, 634, 649 [smętność]; ср. смятний, 17, 159, 221, 552, 641, 748, 772.
- срого-ний, 44, 191, 201, 254, 360, 368, 415, 668; срого, 82, 375, 571, 725; срогость, 307, 427, 581; срогось, 186 [srogi, srog, srogo, srogość].
- Тополевый: древ топовлевых, 199, топовлевых прúтов, 300 [topolowy].
- тополи: тополи древа, 8, тополи высоки, 542 [topol, topola].
- трудность, 10, 336, 427, 442, 459, 460, 430, 458, 469, 494, [trudność — затруднение, помеха, ср. затруднение 430, 508].
- Усильно, 743 [usilnie].
- услужность, 340 [usłużność].
- у́смех лукав, 104 [uśmiech].
- утешные стайки, 77 [ucieszny — забавный, потешный].
- Чаровно 329 [czarownie].
- чуждému, 676, 722 [cudzemu].
- Цельно, 26, 638 [celnie — метко].
- Яблока, 7 [jabłko].